

Х р о н и к а

ежемесячный информационный бюллетень гражданского общества

№ 12 (228)

декабрь 2013

Скорбные даты

29 ноября 2013 года скончалась Наталья Евгеньевна Горбаневская

В Париже на 78 году жизни умерла Наталья Горбаневская – поэт, переводчик, правозащитница, участница диссидентского движения в СССР.

Горбаневская была инициатором, автором, редактором и машинисткой первого выпуска самиздатовского бюллетеня «Хроника текущих событий».

Участница демонстрации 25 августа 1968 года против введения советских войск в Чехословакию – она была арестована в декабре 1969 года. В апреле 1970 года с диагнозом «вялотекущая шизофрения» Горбаневскую направили на принудительное лечение в психиатрическую больницу тюремного типа, где она содержалась до февраля 1972 года.

В 1975 году Горбаневская эмигрировала. Жила в Париже. Работала в редакции журнала «Континент», была внештатным сотрудником Радио «Свобода». С начала 1980-х годов и до 2003 года работала в газете «Русская мысль». С 1999 года состояла в редакции и редколлегии русскоязычного варшавского журнала «Новая Польша», публиковалась в нем как автор и как переводчик.

Наталья Горбаневская – автор полутора десятков книг стихов; переводчик с польского, чешского, словацкого и французского языков. Лауреат международного литературного конкурса «Русская премия» за 2010 год в номинации «Поэзия».

Последний раз Наталья Горбаневская была в эфире Радио «Свобода» 25 октября 2013 года, принимала участие в видеомарафоне, посвященном 10-летию со дня ареста Михаила Ходорковского.

Пространство Наташи

Сегодня (4 декабря 2013 года – ред.) в Париже похоронили Наталью Евгеньевну Горбаневскую, большого друга огромного количества людей на этой земле. Наташа – так звали ее все: и юные, и ровесники – была очень крупным, настоящим, большим русским поэтом, и с юности отмечена Ахматовой.

У 25-летней Наташи есть такие строчки:

Как андерсовской армии солдат,
Как андерсеновский солдатик,
Я не при деле. Я стихослагатель,
Печально не умеющий солгать.

Здесь все неслучайно, в том числе и упоминание армии Андерса. Наташа всю жизнь была близка к Польше и в конце концов стала польской гражданкой. Но главное – «стихослагатель», «не при деле». Для нее нашлось дело, и делом стало движение за права человека. Наташа стала основателем и первым редактором неподцензурного бюллетеня правозащитников «Хроника текущих событий», просуществовавшего, как ни один другой неподцензурный журнал, целых 15 лет, несмотря на аресты одного за другим всех его составителей.

Наташа – участница демонстрации 25 августа 1968 года против ввода войск в Чехословакию. Этот эпизод больше всего запомнился людям. Но на самом деле Наташа – человек труда, и в правозащитном труде она тоже брала на себя самые тяжелые, самые черные работы: собиравание информации, сличение ее, дробление по темам. Этот же черный труд – работа с

информацией. Она придумала эту работу, по сути, основатель ее. Она поплатилась сумасшедшим домом, ее объявили больной. Хотя многие были возмущены тем, что Наташа на демонстрацию вышла с маленьким ребенком, для нее это было абсолютно естественным, детей своих она от себя никогда не отделяла.

Потом – «Русская мысль», «Континент», в котором она так же, как в «Хронике текущих событий», тянула на себе всю огромную редакторскую работу. Поэзия, поэзия и поэзия. Удивительный поэт, удивительный труженик, удивительная мать и бабушка, объединившая вокруг себя всех своих детей, всех своих внуков. И огромное количество молодых людей, которые тоже звали ее Наташей, для которых ее стихи и судьба всегда были не образцом, а каким-то паролем: я люблю Горбаневскую. И вот сейчас ее похоронили почти в центре Парижа, на кладбище Пер-Лашез, и это недалеко от того места, где она жила и где живут ее дети. Счастливая судьба, и счастливы мы, бывшие ее друзьями.

Само по себе советское правозащитное движение было ядром гораздо более широкого диссидентского движения, которое включало в себя и национальные движения, и религиозные движения, и движения за эмиграцию, и многие другие. В центре, в сердцевине было правозащитное, которое говорило языком права, которое связывало людей между собой и давало возможность говорить с властью. А «Хроника текущих событий» – это как раз точка, средоточие всего, всех этих разных движений, перевод на этот язык места, где они объединялись друг для друга и для мира. Значение «Хроники», конечно, громадное: это совершенно независимое информационное пространство, и это пространство по-настоящему было создано Наташей. Она просто-напросто брала и начинала делать.

Саша Подрабинек рассказывал, как Наташа в один из первых своих приездов в Россию после эмиграции застала его за работой над «Экспресс-хроникой»: завал, надо завтра выпускать, и она села рядом и четыре часа не вставала, даже не курила. Она классно, виртуозно делала редакторско-составительскую работу, которой вовсе не обязана была заниматься.

Наташа была человеком светлого ума, очень систематического, с прекрасным русским языком, удивительным русским языком, а не казенно-газетным. Да она и придумала его во многом – этот русский язык независимой информации.

Арсений Рогинский – историк, правозащитник, председатель правления общества «Мемориал»
<http://www.svoboda.org/content/blog/25189992.html#>

Живая Горбаневская

Наталья Евгеньевна, дорогая Наташа («наша Наташа», так звали ее в Москве много младшие ее поэты, для которых она была образцом человеческого и артистического поведения), – какое неожиданное горе, что Вас больше нет. Как грустно, что с Вами нельзя больше будет поговорить о России и Польше, Бродском и Милоше, Болотной площади и «Солидарности», Путине и Валенсе, французских «проклятых поэтах» и русском авангардизме.

Несокрушимая и легендарная, самоотверженная и хрупкая, артистически капризная и интеллектуально точная, работящая и насмешливая, ребячливая и взрослая, старшая до проповедничества, невероятная подруга младшего поколения русских литераторов-неомодернистов, Наталья Евгеньевна была тем живым человеческим мостом, который соединял диссидентский и художественный протест 68-го и далее с протестным движением в современной России. Она показала молодым современным русским литераторам, что можно быть поэтом и политической фигурой одновременно, в этом нет ничего странного и противоречащего эстетической миссии поэта, эта миссия прежде всего – этическая. Она своим теплым личным присутствием легитимировала артистические походы на Болотную, антипутинские стихи, социальные рисунки и выставки, русский художественный феминизм последнего времени. Она при всех встречах с младшими литераторами в Москве говорила «как мать и женщина», как жена, как старшая сестра, как близкая подруга – и это придавало ее легендарному облику совершенно живой статус (она, заядлая курильщица, курила и даже могла выпить рюмку, если разговор ее интересовал – а разговор так или иначе сводился к поэзии и политике, к тому, что нет между ними никакого зазора, ты-автор и ты как субъект современной политической истории для нее были одними и теми же телом и душой). Если она могла быть поэтом, любящей женщиной, художницей, заключенной за свои убеждения, пациенткой психушки, почему не смогла бы я, ты, он, она? Своим физическим присутствием, а она часто приезжала в Москву, она как бы говорила: ребята, молодые пишущие коллеги, вы правы, с новой русской диктатурой нужно и можно бороться, и я с вами – и в русской поэзии, и на площадях столицы бывшей империи. При этом она вовсе не была пропагандистом и человеком лозунгов; напротив, такого удивительного сочетания человеческой мягкости, гибкости, сочувствия и одновременно какой-то негромкой, частной стойкости в персональной антитоталитарной позиции я, пожалуй, не встречала ни у кого из старших товарищей по перу. В последний раз Горбаневская вышла на Красную площадь совсем недавно, в годовщину входа русских танков в Прагу, вместе с группой молодых активистов. Полиция не посмела ее задержать, то ли знали сверху, кто она, то ли просто побоялись трогать эту пожилую невысокую красавицу (прекрасно, кстати, одетую, у нее был отменный вкус), явно европейку, с глазами ясного и яростного светлого цвета. Такая, пожалуй, убила бы одним взглядом любого полиция.

У меня есть два сборника ее стихов (помимо, естественно, самиздата, прочитанного еще 25 лет назад) и три сборника переводов. Больше всего я благодарна ей за последнего Чеслава Милоша, это ее книга «Мой Милош», переводы его стихов и самых важных статей, ее интервью с его исследователями и друзьями. Чеслав Милош, нобелевский лауреат и старший альтер эго Бродского, мог бы стать самым полезным автором для интеллектуальной России, если бы последняя захотела себя понять как часть Европы. Горбаневская это отлично осознавала и сознательно работала для того, чтобы донести мысли Милоша о Польше как Восточной-Центральной Европе и России как Восточной Европе до русского читателя в переводе. Да, это ее личный Милош, это не поэт и мыслитель американского периода, но это тот Милош, который близок русским, думающим о России не имперского извода, а о России как части современного европейского мира. И конечно, я почти никогда не выпускаю из головы ее перевод «Кампо ди Фьори» Милоша. Послевоенные стихи о римском еврейском гетто, которое оказалось слишком близко к площади, где сожгли Джордано Бруно.

Всегда Ваша, Елена Фанайлова
<http://www.svoboda.org/content/article/25184904.html>

Имя и даты

В декабре прошлого года, в Париже, у Горбаневской дома.

Крохотная квартирка, обязательный обед, кислые щи.

– Очень вкусно! – говорю.

– У меня есть секрет, – сообщает Горбаневская. – Я во все супы кладу сельдерей. Я хочу, чтобы на моей могиле было написано: «Она умела готовить супчики».

И, через час:

– Так! Чашек чистых нет, мыть неохота, кофе будем пить в кафе!

– Да нам уже пора...

– Ну как хотите. А я пойду!

Последний кадр в памяти: маленькая Горбаневская с рюкзачком за плечами, у дверей дома.

Она была счастливым человеком, наверное. Она знала несколько простых правил и следовала им. Сельдерей в супе это касалось в последнюю очередь.

Спасшая, вместе с горсткой своих товарищей, честь народа, который ни хера в этом не нуждался и вообще, мля, не понял, че за дела, – она продолжала жить так, как будто тот выход на площадь был, как выход в кафе.

Никакой значительности. Ноль пафоса.

– А я пойду!

Даже словно оправдывалась, микшируя разговоры о своей легендарной отваге:

– Дура была бесстрашная...

Известная суховатость Горбаневской в общении была пленкой, оберегавшей нас от температуры ее души, от ее непроходящего стыда за страну, свинцовые мерзости которой она ощущала как свою личную вину.

«Это я не спасла ни Варшаву тогда и ни Прагу потом...»

Я не знаю, что будет написано на ее могиле, но думаю: достаточно имени и дат жизни. «Наталья Горбаневская» – это не нуждается в дефинициях с 25 августа 1968 года.

Вечная память.

Виктор Шендерович

<http://www.ej.ru/?a=note&id=23860>

Нельсон Мандела – один из великих гуманистов нашего времени

5 декабря 2013 года в возрасте 95 лет умер один из самых известных борцов с апартеидом, многолетний политический заключенный, ставший президентом ЮАР, лауреат Нобелевской премии мира Нельсон Мандела.

Нельсон Мандела был одним из величайших гуманистов современности, уверена глава Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева.

«Это один из великих гуманистов нашего времени наряду с такими людьми, как Ганди, Сахаров, Гавел. Нельсон Мандела приучал человечество к тому, что своих благородных целей надо добиваться мирными средствами, а не насилием. Это было особенно важно на его родине – в ЮАР, где апартеид имел жесткие формы», – сказала Людмила Алексеева ИА «Диалог».

«Находясь в тюрьме и выйдя на свободу, Мандела оказал огромное влияние на свой народ, и он твердо придерживался законных методов противодействия апартеиду», – добавила правозащитница.

Людмила Алексеева также отметила, что у противников был соблазн на насилие ответить насилием, но Мандела всегда был против этого: «Он считал, что можно добиваться всего только мирными методами. Это выделяло его среди остальных борцов за равноправие. Именно это сделало его великим человеком и именно поэтому о его уходе скорбит весь мир. Такие люди редко рождаются, но все-таки из поколения в поколение такие люди появляются».

Памятные даты

10 декабря – День прав человека

10 декабря: 1948 г. Организация Объединенных Наций приняла Всеобщую декларацию прав человека

Всеобщая декларация прав человека провозглашает права личности, гражданские и политические права и свободы (равенство всех перед законом, право каждого на свободу и личную неприкосновенность, свободу совести и другие). Она была принята 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН. А спустя два года этот день был провозглашен как День прав человека.

Декларация стала первым универсальным документом по правам человека. Многие страны включают основные ее положения в свое базовое законодательство и конституции. Ее принципы лежат в основе многих пактов, конвенций и договоров по правам человека, заключенных с 1948 года.

Этот документ был переведен на множество языков мира (более 350 в 2009 году). Элеонора Рузвельт назвала Декларацию «Великой хартией вольностей» для всего человечества (поэтому Декларацию иногда называют Хартией прав человека).

Наиболее широкие обязательные соглашения по правам человека, заключенные под эгидой ООН, – это подписанные 16 декабря 1966 года Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

За соблюдением принятых пактов, конвенций и договоров следит Верховный Комиссариат ООН по правам человека. Верховный комиссар посылает в разные страны мира своих проверяющих, которые составляют отчеты о соблюдении прав человека на местах. Если права не соблюдаются, в дело вступают трибуналы.

10 декабря в Москве и других российских городах традиционно проходит множество мероприятий, посвященных этому памятного дню.

Премия МХГ – самым достойным

10 декабря 2013 года в Сахаровском центре состоялось награждение лауреатов премии Московской Хельсинкской группы (МХГ).

Лауреатами премии МХГ в области защиты прав человека за 2013 год стали:

За мужество, проявленное в защите прав человека – Приходкина Валерия Юрьевна (Челябинская область).

За исторический вклад в защиту прав человека и в правозащитное движение – Савенко Юрий Сергеевич (Москва).

За защиту прав человека средствами культуры и искусства – Ахеджакова Лия Меджидовна (Москва).

За журналистскую деятельность по продвижению ценностей прав человека – Башинова Любовь Африкановна (Москва).

За вклад в правозащитное образование – Преображенская Оксана Владимировна (Москва).

За отстаивание прав человека в суде – Бонцлер Мария Владимировна (Калининград).

За успехи в развитии и управлении правозащитными организациями – Блинушов Андрей Юрьевич (Рязань).

За деятельность в защите социальных прав и интересов местных сообществ – ФEFIлова Лариса Александровна (Удмуртская Республика).

За экспертную и научную деятельность в области прав человека – Верховский Александр Маркович (Москва).

За развитие традиций защиты прав человека среди молодежи – Макаров Дмитрий Алексеевич (Воронеж).

Резюме лауреатов

Номинация «За мужество, проявленное в защите прав человека»

Приходкина Валерия Юрьевна. Известная челябинская правозащитница, одна из учредителей фонда «Правовая миссия», директор «Школы призвника», член общественной наблюдательной комиссии по Челябинской области, координатор «Школы наблюдателя», эксперт Движения «За права человека».

Организатор многих общественных мероприятий и гражданских митингов в Челябинске. Активная участница политической жизни города, вносит огромный вклад в развитие гражданского общества, однако главное направление её деятельности – правозащита. За несколько десятилетий Валерия Юрьевна помогла многим людям не попасть в призывное рабство, оказала помощь огромному количеству граждан, терпящих бедствия в нашей непростой жизни, активно занимается благотворительностью.

В 2010 году Валерия Юрьевна стала членом общественной наблюдательной комиссии Челябинской области второго созыва, что качественно изменило работу ОНК. Правозащитница, вместе с другими членами ОНК, посещала исправительные учреждения, вела и ведет непримиримую борьбу за права заключенных. Из-за активной деятельности неоднократно получала анонимные угрозы расправы, если не прекратит свою правозащитную работу. Все это сыграло свою роль, и в сентябре 2012 года Валерия Юрьевна перенесла инсульт. Несмотря на последствия болезни, Валерия Приходкина продолжает активно участвовать в судебных разбирательствах по фактам нарушений прав осужденных, участвует в подготовке и распространении докладов о нарушениях прав человека.

Номинация «За исторический вклад в защиту прав человека и в правозащитное движение»

Савенко Юрий Сергеевич, психиатр, правозащитник. С 1989 года возглавляет Независимую психиатрическую ассоциацию России. Кандидат медицинских наук, главный редактор «Независимого психиатрического журнала» (выходит с 1991 года). Последовательный противник карательной психиатрии.

Юрий Сергеевич – участник многих резонансных экспертиз: от дела генерала Петра Григоренко до дела полковника Юрия Буданова, Ларисы Арап, серии судебных процессов с участием новых религиозных движений. Был свидетелем защиты по делу Михаила Косенко, где подверг резкой критике сотрудников Института им. Сербского, проводивших экспертизу Косенко.

Номинация «За защиту прав человека средствами культуры и искусства»

Ахеджакова Лия Меджидовна, народная артистка России. С 1977 года состоит в труппе театра «Современник». Ахеджаковой были созданы незабываемые образы как в театре, так и в кино. Гражданская позиция Лии Меджидовны всегда была слышна во всех её творческих работах и публичных выступлениях.

Ахеджакова остро и смело выступает в защиту политзаключенных, присутствует на их судах, участвует в благотворительных концертах, выступает на демократических митингах. Её выступления, наполненные болью и состраданием к несправедливо осужденным и задержанным, с огромным доверием воспринимаются обществом. Она неоднократно подписывала письма и выступала с призывом защитить «узников болотного дела», а также Ходорковского и Лебедева.

Лия Меджидовна не только откликается, но и сама видит – где и какая нужна её помощь. Например, на сходке жителей Внуковского поселения Новой Москвы – с Митрохиным и Гафтом – против расширения Внуковского шоссе, она выступала с острой критикой проекта префекта Чельшева, наносящего ущерб жителям и экологии.

Ахеджакова Лия Меджидовна могла бы ограничиться лишь служением искусству, но она не может не реагировать на события в стране, поэтому честно, громко выражает и отстаивает свою гражданскую позицию. В июле этого года Ахеджакова призвала всех деятелей искусства и культуры не быть равнодушными к происходящему в обществе. Многие считают, что она одна из тех, кого называют «совестью России».

Номинация «За журналистскую деятельность по продвижению ценностей прав человека»

Башинова Любовь Африкановна, правозащитник, журналист, редактор общероссийской газеты региональных правозащитных организаций «За права человека» и «Вестника в защиту прав заключенных». По первому образованию –

переводчик, по второму – журналист. Работала корреспондентом и редактором региональных СМИ: газета «Молодежь Бурятии», на Бурятском, затем Иркутском телевидении, в газетах «Ангарские огни», «Восточно-сибирская правда», «Газета номер один».

В начале 1990-х годов совместно с мужем журналистом Александром Любославским начала выпуск собственной, остроактуальной и политически заточенной газеты «Демократический путь России». Следующим изданием Башиновой и Любославского стала газета «Демократическая Россия», так как «Демократический путь России» был закрыт по суду. К изданию было предъявлено четыре иска о защите чести и достоинства от разгневанных героев статей: казаков, руководства проворовавшегося предприятия и уличенных в нечестности чиновников.

В середине 1990-х годов, когда Любославский по предложению губернатора Иркутской области Юрия Ножикова стал первым в России региональным Уполномоченным по правам человека (федерального омбудсмана тогда тоже еще не было), изменились и журналистские ориентиры Башиновой – ей открылась новая тема, имеющая для журналиста неисчерпаемый источник идей. Она придумала журнал «Права человека», где публиковались авторские статьи, консультации юристов, материалы по истории правозащитного движения, содержался адрес приемной созданного тогда же благотворительного фонда Любославского, оказывающего правозащитную помощь населению. В дальнейшем и у фонда, и у журнала появились коррпункты в разных городах и районах Иркутской области.

Скоро яркое региональное издание заметили московские правозащитники, и глава МХГ Людмила Алексеева предложила Башиновой и Любославскому издавать федеральный журнал, предоставив помещение в знаменитом офисе МХГ на «Сухаревской». Так начался новый виток в правозащитно-журналистской карьере Башиновой. В 2000 году в Москве начал издаваться ежемесячный журнал «Защита прав и свобод человека», ставший площадкой для региональных правозащитников. Материалы для журнала собирались со всей страны. Рассылка тиража по подписке производилась также практически по всем регионам России.

Спустя некоторое время Башинова стала выпускающим редактором Общероссийской газеты региональных правозащитных организаций «За права человека», также поставившей своим приоритетом освещение деятельности региональных правозащитных организаций и активистов.

Со временем направление журналистской деятельности стало более узкоспециальным, и Башинова, не оставляя газеты «За права человека», взялась за редактирование «Вестника в защиту прав заключенных», издаваемого Фондом в защиту прав заключенных, созданного Александром Любославским и Львом Пономаревым. Это издание содержит информацию, расширяющую представление о защите прав заключенных – предлагает инструментарий, правовую базу, свежие идеи для практикующих это правозащитное направление. Полезно оно и для самозащиты попавших в места лишения свободы – постоянно публикуются консультации, ответы на письма тех, кому очень нужна помощь в неволе.

Номинация «За вклад в правозащитное образование»

Преображенская Оксана Владимировна, директор Центра содействия международной защите.

Координатор ежегодной образовательной программы для российских юристов и адвокатов, а также студентов правовых факультетов, специализирующихся на защите прав человека с использованием международно-правовых механизмов. Ее выпускниками являются ведущие юристы правозащитных организаций: Движение «За права человека», Фонд «В защиту прав заключенных», «Комитет против пыток», «ЮРИКС», а также представители аппаратов Уполномоченных по правам человека в регионах – Хабаровском, Приморском и Пермском краях, Липецкой области и других.

Оксана Владимировна – эксперт и координатор стыковочной программы в Страсбурге по углубленному изучению стандартов Европейского Суда и Совета Европы. Программа рассчитана на опытных юристов и адвокатов не только из России, но и из стран постсоветского пространства.

Как авторитетный специалист в сфере правозащитного образования Оксана Преображенская постоянно привлекается для проведения программ подготовки правозащитников и адвокатов, практикующих в области уголовного права, в странах ближнего зарубежья.

Оксана Преображенская в качестве ведущей принимала участие в нескольких семинарах и тренингах, организованных МХГ.

Общение с участниками образовательных программ для Оксаны Преображенской не ограничивается собственно их проведением. Как свидетельствует практика, еще долгое время после их окончания она дистанционно оказывает им теоретическую и практическую помощь в подготовке тех или иных документов, связанных с международной правозащитой.

Характерной особенностью работы Оксаны Преображенской в области правозащитного образования, как и проводимых ею образовательных программ, является сочетание с практической деятельностью. Так, на сегодняшний день она выиграла 40 дел в Европейском суде по разным категориям нарушений прав человека; еще свыше 50 представляемых ею дел ждут своего решения.

Номинация «За отстаивание прав человека в суде»

Бонцлер Мария Владимировна, создатель (1995 год) и руководитель Комитета солдатских матерей Калининградской области. Деятельность: защита прав призывников, военнослужащих и альтернативнослужащих, их родителей; организация системы гражданского контроля над воинскими частями. Активный участник сети правозащитных организаций «Гражданин и Армия», а также сети правозащитной группы «Гражданин. Армия. Право». В 2007 г. получила статус адвоката Адвокатской палаты Калининградской области и работает адвокатом по настоящее время.

Три раза в неделю проводит приём граждан по вопросам, связанным с призывом на военную службу; на АГС; с прохождением военной службы. С 1995 года было принято: призывников и их родственников более 22 тысяч человек; военнослужащих по призыву и их родственников более 13 тысяч человек. С 2007 года по настоящее время Мария Бонцлер как адвокат защищала в суде права призывников и военнослужащих по призыву в 210 гражданских и в 125 уголовных делах. Автор ежегодных экспертных докладов «О нарушении прав и свобод человека и гражданина при призыве на военную службу в Калининградской области».

Автор книги «Пьета. Скорбь матери над телом убитого сына», посвященной истории 50 погибших юношей в армии мирного времени и борьбе их родителей за правду о случившихся трагедиях и за наказание виновных. Заканчивает работу над книгой «Пьета-2. Скорбь матери над телом убитого сына», посвященной истории ещё 50 погибших юношей в армии мирного времени.

Номинация «За успехи в развитии и управлении правозащитными организациями»

Блинушов Андрей Юрьевич, историк, председатель Рязанского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». Член Правления Международного «Мемориала». Один из создателей и

главный редактор интернет-портала «Права человека в России» (HRO.org) – одного из ключевых сетевых российских ресурсов по правам человека.

За год на HRO.org: страницы портала были посещены 10 млн 232 тысячи раз; 621 тысяча посетителей побывали на HRO.org; 3 тысячи новых материалов было опубликовано на портале; 685 материалов портала было переведено на английский язык и распространено среди тысяч англоязычных читателей.

Андреем Блинушовым были организованы интернет-кампания на сайте «Права человека в России» в защиту политзаключенных: Pussy Riot; узников «Болотной»; сбор подписей в защиту Надежды Толоконниковой; кампания «НКО – не агенты»; кампания «Свободу Arctic Sunrise».

Под руководством и при непосредственном участии Андрея Блинушова за 2012–2013 годы на сайте Архивной коллекции Рязанского «Мемориала» по истории государственного террора СтопГУЛАГ: подготовлено и размещено более 17 тысяч персональных справок на жертв политических репрессий.

Номинация «За деятельность в защите социальных прав и интересов местных сообществ»

Фефилова Лариса Александровна, руководитель Удмуртского регионального отделения Движения «За права человека», член общественной наблюдательной комиссии первого созыва, председатель ОНК Удмуртской Республики второго созыва.

За период деятельности ОНК в Удмуртии, благодаря усилиям Ларисы Фефиловой удалось добиться качественных изменений в уголовно-исполнительной системе Удмуртии, прежде всего, в колониях региона перестали пытаться заключенных, был снят ярлык с пыточной колонии № 1 поселка Ягул. В настоящее время жалоб из исправительных учреждений Удмуртии практически не поступает.

Активно принимает участие в судебных процессах по защите прав заключенных. Например, добилась того, что правозащитники наряду с адвокатами имеют право на свидания с заключенными для оказания им юридической помощи. Обжалует в суде действия (бездействие) администрации по фактам неоказания заключенным надлежащей медицинской помощи. Участвует в судебных заседаниях в качестве представителя по факту заражения заключенных туберкулезом. Лариса Фефилова готовит ходатайства и участвует в судебных заседаниях по рассмотрению вопроса об освобождении от отбывания наказания по состоянию здоровья и УДО.

Номинация «За экспертную и научную деятельность в области прав человека»

Верховский Александр Маркович, директор информационно-аналитического центра «СОВА». Эксперт в области национализма и ксенофобии, взаимоотношений религии и общества, неправомерного антиэкстремизма. Член президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека.

Центр «СОВА» был основан в октябре 2002 года, в том числе при помощи МХГ. Под руководством Александра Верховского центр стал самой авторитетной экспертной организацией, которая занимается исследованиями проблем национализма и ксенофобии, взаимоотношений религии и общества, политического радикализма. Эксперты «СОВЫ» готовят раздел о радикальном национализме и ксенофобии в России ежегодного сборника докладов МХГ «Права человека в Российской Федерации». На сайте центра размещен огромный массив ежедневно пополняемой информации по исследуемым темам.

Номинация «За развитие традиций защиты прав человека среди молодежи»

Макаров Дмитрий Алексеевич, юрист, правозащитник, политолог. Участник международного Молодежного правозащитного движения (МПД).

Координатор программы Международного МПД по защите гражданского общества в Новых Независимых Государствах. В рамках МПД координирует ряд кампаний и проектов, связанных с защитой фундаментальных свобод, и отвечает за взаимодействие с международными межправительственными организациями (ОБСЕ, Совет Европы, ООН). Один из инициаторов и участников команды правовой безопасности активистов «Legal Team».

Инициатор и участник ряда студенческих инициатив, в том числе «OD-group». Со-координатор Международной сети по правам студентов. Эксперт и участник методической команды Международной школы прав человека и демократии. Участник Инициативной группы российских НКО за диалог с Европейским союзом по правам человека. Один из инициаторов и член Совета Международной гражданской инициативы по ОБСЕ. Член Наблюдательного совета Комитета международного контроля за ситуацией с правами человека в Беларуси. Один из инициаторов Объединенной группы общественных наблюдателей, осуществляющей наблюдение на массовых публичных мероприятиях.

Представитель по 3 делам в Европейском суде по правам человека. Со-автор и редактор ряда докладов по свободе собраний, свободе ассоциаций, положению правозащитников, правозащитных и гражданских организаций в РФ (в том числе, представленных на ОБСЕ, на консультациях по правам человека Россия-ЕС). Тренер и ведущий семинаров по правам человека и общественным действиям в России, Украине, Беларуси, Казахстане и Кыргызстане.

XIX «Сталкер» открылся 10 декабря

10 декабря 2013 года, в день принятия ООН Всеобщей декларации прав человека, в Большом зале Дома кино Союза кинематографистов России открылся XIX Международный фестиваль фильмов о правах человека «Сталкер», который проводится с 1995 года.

Его цель – поощрение кинематографистов, создающих фильмы о правах человека. В программе фестиваля – лучшие российские фильмы 2013 года.

Кинофестиваль проводится Гильдией кинорежиссеров России при поддержке: Министерства культуры РФ, Представительства ООН в РФ, Посольства Королевства Нидерландов в РФ, Посольства Канады в РФ, Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров, Общественной Палаты РФ. Генеральный партнер фестиваля «Сталкер» – Фонд Михаила Прохорова

Президент кинофестиваля «Сталкер» – Президент Гильдии кинорежиссеров России, Народный артист СССР Марлен Хуциев.

Стало доброй традицией на открытии кинофестиваля вручать Специальные призы «Сталкер» за права человека» героям документальных лент, жизнь которых посвящена защите прав человека и отражена в фильмах. В этом году призы «Сталкер» за права человека» получили:

Лилит Горелова – героиня документального фильма «Лилит» (режиссер Гузель Гатауллина). Лилит Горелова – директор благотворительного социально-реабилитационного Центра для несовершеннолетних и молодежи «Дом Милосердия». Она считает, что любовь и терпение побеждают даже самый плохой генофонд «трудного» подростка...

Анна Неркаги – героиня документального фильма «Неркаги» (режиссер Екатерина Головня). За полярным кругом, в далёкой Байдаракской тундре, на берегу круглого, как луна озера, лежит Земля Надежды. Оставив писательскую карьеру,

Анна Неркаги и её сорок приёмных детей, строят там свой рай. Анна знает, что мир ей уже не переделать. Но её задача состоит в том, чтобы не дать миру погибнуть.

Татьяна Жигулова – героиня документального фильма «Асенка» (режиссер Наталия Полякова). Татьяна Жигулова взяла в свою семью девочку из детского дома для умственно отсталых детей. ...Девочка по имени Ася не знала самых что ни есть элементарных слов, она не умела ходить, так как на протяжении пяти лет ей кололи депрессанты, для того чтобы приковать к постели. Атмосфера семьи, в которой ребенок окружен любовью и лаской, способна творить чудеса...

В программах кинофестиваля было представлено 79 фильмов.

В конкурсной программе показано 53 фильма, из них: 18 полнометражных, 5 короткометражных игровых и 30 документальных фильмов. В информационную программу вошли 22 фильма и 4 в Международную панораму.

В Отборочную комиссию фильмов фестиваля вошли: Светлана Хохрякова, Вера Соболева, Виктория Белопольская, Ксения Климентова.

Судя по всему, период некой апатии и инертности уходит, несмотря на все сложности жизни и кинопроизводства. На смену приходит боевой запал.

Фильмов, бьющих в самые болевые точки, становится больше. В них все чаще проявляется социальный нерв. Наши режиссеры не проходят равнодушно мимо бесправия и несправедливости, которыми переполнена жизнь, активно осваивают тему прав человека, не равнодушны к его судьбе. Кино это очень разное по своему уровню и энергии. Но каких бы серьезных проблем оно не касалось, депрессивным его не назовешь. Оно энергичное, провокативное.

В представленных на «Сталкере» картинах речь идет о том, как адаптируются мигранты в новой для себя среде, как пытаются противостоять круговой поруке сотрудники силовых структур.

Кинематографисты рассказывают о тех, кто в самых безвыходных ситуациях не опускает руки, не бросает в беде близких, не предаст самого себя.

Неординарные судьбы женщин, оказавшихся в экстремальных обстоятельствах, проблемы детей, которые не изолированы от мира и вынуждены поглощать все его беды, поиски совсем еще юными людьми смысла жизни и своего места в ней, доходящие порой до попыток уйти из нее добровольно – все это оказывается в зоне внимания современного российского кино.

В конкурсе и вне конкурса представлены картины мэтров, таких как Константин Лопушанский, и набравших силу представителей среднего поколения – Ларисы Садиловой, Бориса Хлебникова, Александра Велединского, молодых – Андрея Стемпковского, Юрия Быкова, Марии Сааян, Антон Розенберга.

Почти у каждой картины – сложившаяся судьба: участие в отечественных и международных фестивалях, награды и внимание зрителей.

«Долгая счастливая жизнь» Бориса Хлебникова участвовала в главном конкурсе Берлинале.

«Разносчик» Андрея Стемпковского представлял Россию на престижном Роттердамском кинофестивале.

«Иван сын Амира» дебютанта в режиссуре, но при этом опытного кинематографиста Максима Панфилова отметило за лучший сценарий жюри Монреальского кинофестиваля.

«Стыд» Юсупа Разыкова награжден жюри мировой кинопрессы ФИПРЕССИ в Карловых Варах.

Премьера «Майора» Юрия Быкова состоялась на Каннском кинофестивале.

«Географ глобус пропил» Александра Велединского получил главную награду сочинского «Кинотавра».

«Она» Ларисы Садиловой взяла Гран-при Выборгского «Окна в Европу».

У картины «Зимний путь» Сергея Тарамаева и Любови Львовой – пожалуй, самая сложная судьба, поскольку затрагивает она табуированную у нас тему. Фильм ждал встречи со зрителем больше года, а потом не мог получить официального признания, с трудом избежал вето: «запретить».

Несмотря на фестивальную успех, почти каждая из картин, представленных на «Сталкере», имела весьма ограниченный прокат, настоящей встречи со зрителем так и не произошло. «Сталкер» завершает фестивальную программу и дает возможность подвести некоторые итоги, увидеть панораму того, чем богат был истекший год.

В целом он сложился благоприятно, подарив нам немало ярких работ. Так что жюри предстоял непростой выбор.

Профессиональное жюри кинофестиваля «Сталкер»: Вадим Абдрашитов, кинорежиссер, Валерий Ахадов, кинорежиссер, Андрей Осипов, кинорежиссер, Алексей Симонов, кинорежиссер, Евгений Цымбал, кинорежиссер, Раиса Фомина, продюсер.

По традиции в жюри входят призеры кинофестиваля «Сталкер» прошлых лет.

На кинофестивале работало Жюри правозащитных организаций: от Международного общества «Мемориал» Татьяна Бахмина, от Центра общественной информации Елена Гришина, от Центра содействия реформе уголовного правосудия Наталья Дзядко, от Экспертного Совета общественных организаций при Уполномоченном по правам человека в РФ Ирина Еремينا, от международной неправительственной организации Penal Reform International, филиал в РФ Алла Покрас.

Также конкурсную программу оценивало Жюри Гильдии киноведов и кинокритиков России в составе: Александр Колбовский – журналист Первого канала, преподаватель МГУ, Борис Пинский – журналист, кинокритик, Елена Уварова – главный редактор газеты «Экран и сцена».

На фестивале работало и молодежное жюри, куда вошли студенты гуманитарных факультетов столичных ВУЗов. Возглавил жюри секретарь Союза журналистов России Роман Серебряный.

В дни фестиваля в Центральном Доме журналиста прошли «круглые столы»: «Роль СМИ в защите прав человека», который проводился совместно с Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ ООН) и Управлением Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН), а также «круглый стол» на тему «Смертная казнь: за или против», совместно с Филиалом Объединения «Пенал Реформ Интернешнл» в Российской Федерации при поддержке ЕС.

В рамках кинофестиваля «Сталкер» была показана программа нидерландского кинофестиваля фильмов о правах человека Movies that Matter («Кино имеет значение»). Фильмы представлялись авторами, которые после показов отвечали на вопросы зрителей.

В Специальной программе «Поднимись над предрассудками» Посольства Канады в РФ был представлен документальный фильм «Последний белый рыцарь» и состоялась встреча с режиссером Полом Зальцманом.

В дни фестиваля в фойе Большого зала Дома кино была развернута выставка архивных документов и фотографий «Кино и власть» (Репрессированное искусство). В экспозиции – докладные записки отдела культуры ЦК КПСС, протесты и доносы местных партийных органов, письма знаменитых кинематографистов «генсекам».

Официальные итоги кинофестиваля

Жюри игрового кино в составе: Валерий Ахадов, Алексей Симонов, Андрей Осипов присудило следующие награды:

- Приз «Сталкер» за лучший игровой фильм фильму «Жажда», режиссер Дмитрий Тюрин и фильму «Зимний путь», режиссеры Сергей Тарамаев и Любовь Львова.

- Специальный приз имени Валерия Фрида за лучший сценарий фильму «Стыд», автор сценария Екатерина Мавроматис при участии Юсупа Разыкова

- Приз «Сталкер» короткий метр фильму «Проверка», режиссер Гала Суханова.

Дипломы жюри:

1. Короткометражному игровому фильму «Конвоир», режиссер Дмитрий Гриценко

2. Короткометражному игровому фильму «Конец эпохи», режиссер Софья Чернышева

3. Короткометражному игровому фильму «Пожар», режиссер Артём Волчков

4. Короткометражному игровому фильму «Секонд хенд», режиссер Евгения Яцкина

Жюри неигрового кино в составе: Вадим Абдрашитов, Евгений Цымбал, Раиса Фомина присудило следующие награды:

- Специальный приз имени Георгия Жженова фильму «Затмение», режиссер Владимир Герчиков

- Специальный приз имени Сергея Говорухина фильму «Украденное детство», режиссер Вячеслав Серкез.

- Приз «Сталкер» фильму «Все, что мы делаем» (режиссер Ангелина Голикова), принципиально утверждающему созидательное и светлое начало в современной жизни

- Главный приз «Сталкер» за лучший документальный фильм

Фильму «Дольше жизни», режиссеры Дарья Виолина, Сергей Павловский

- Дипломы жюри документальным фильмам:

- «С.П.А.Р.Т.А. – Территория счастья», режиссер Анна Моисеенко

- «Очаг», режиссер Вениамин Тронин

- «Калининград. Русский на западе», режиссер Мария Раздорская

Жюри правозащитных организаций в составе: Татьяна Бахмина, Елена Гришина, Наталия Дзядко, Ирина Ерёмина, Алла Покрас присудило следующие награды:

- Специальный приз имени Анатолия Приставкина документальному фильму «Мама, я убью тебя», режиссер Елена

Погребижская

- Специальный приз имени Феликса Светова документальному фильму «Очаг», режиссер Вениамин Тронин.

Специальные призы XIX Международного Фестиваля фильмов о правах человека «Сталкер» в Москве

- Специальный приз Представительства ООН в России документальному фильму «Девочки летят», автор Катерина

Гордеева.

- Специальный приз офиса Верховного комиссара по правам человека документальному фильму «Вернулись мы на Родину», режиссер Людмила Коршик

- Специальный приз посольства Канады в России игровому фильму «Она», режиссер Лариса Садилова

- Специальный приз посольства Королевства Нидерландов в России документальному фильму «Мамы, дети и закон», режиссеры Кирилл Сахарнов, Ксения Сахарнова

- Специальный приз филиала корпорации Фонда Джона Д. И Кэтрин Т. Макартуров в РФ документальному фильму «Украденное детство», режиссер Вячеслав Серкез

- Приз Союза журналистов России документальному фильму «Холокост – клей для обоев?», режиссер Мумин Шакиров

- Приз Гильдии киноведов и кинокритиков Союза кинематографистов России документальному фильму «Дневник наркоманки», режиссер Светлана Стасенко.

Диплом Гильдии киноведов и кинокритиков Союза кинематографистов России документальному фильму «Ленинленд», режиссер Аскольд Куров.

- Приз «Новой газеты» «За непотерянное время» документальному фильму «Дневник наркоманки», режиссер Светлана Стасенко.

- Специальный приз зрительских симпатий молодежного зрительского жюри документальному фильму «Данный взамен», режиссер София Гевейлер.

Павшие и живые

15 декабря журналисты страны поминали погибших коллег.

Каждый год 15 декабря, отмечаемый как День памяти погибших журналистов, Центральный Дом журналиста заполняют люди. Одни из них приезжают из дальних городов, другие приходят пешком по московским бульварам.

В этот скорбный день в Домжуре собираются дети, родители, жены и мужья погибших журналистов, а также друзья и коллеги. Зажигают свечи, кладут гвоздики у портретов, вспоминают их – такими, какими любили и запомнили, и обещают найти виновных...

15 декабря – один из главных дней в календаре СЖР. Самый горький и самый ответственный. Ежегодное напоминание о неблагополучии в профессии и в стране, знак беды и поражения. Ежегодное подтверждение того, что мы, несмотря ни на что, все же живы и храним не только память о безвременно ушедших, но и идеалы служения профессии. И многие коллеги не только в России, но и в других странах, разделяют нашу веру. Хочется надеяться, что именно эта приверженность самым главным ценностям поможет найти и наказать виновных в уже случившихся трагедиях. И не допустить новых. И отстаивать честное слово и его значение в стремительно меняющемся мире.

Если бы Союз журналистов России вообще больше ничего не сделал, один этот день оправдал бы его существование и оставил метку в истории.

Примерно такие слова я написала в газете много лет назад, впервые (практически случайно) оказавшись в ЦДЖ 15 декабря. Никогда не забуду это шемящее чувство, и тонкие голоса детей на сцене, и седые головы родителей, и смущенных корейских бизнесменов, неловко передающих подарки, и нарастающий гнев по отношению к тем, кого в зале не было – политиков и миллионеров, главных редакторов, директоров компаний. Профессиональное сообщество представлял – и реабилитировал одновременно – один Всеволод Богданов.

Мортиролог погибших коллег Фонд защиты гласности начал составлять в 1993 году, сразу после октябрьских событий, когда у Белого дома и у Останкино погибли и были ранены десятки репортеров. До этого уже пропали без вести в горячей Югославии Ногин и Куриной, и это событие потрясло страну, но то все же была война. Никто из моих сверстников и коллег, готовых пожертвовать чем угодно во имя свободы слова в годы перестройки, не мог и помыслить о том, что в свободной от цензуры России журналисты будут гибнуть в мирное время лишь за то, что они успели (или только намеревались) написать, снять, передать в эфир. В базе данных погибших журналистов, которую российские и международные эксперты начали составлять в 2007 году, на сегодняшний день значатся 349 имен – это те, кто был убит, погиб или умер при неясных обстоятельствах, пропал бесследно. Все без исключения ушли из жизни безвременно и не по своей воле.

В мире есть разные методы подсчета журналистских потерь, разные организации спорят о показателях. Но все сходится в одном – никогда за всю историю не были убиты столько журналистов, как в последние десятилетия. Войны, конфликты, разгул мафии, коррупция убивают наших коллег в самых разных странах мира, и большинство этих преступлений остаются безнаказанными.

Об этом свидетельствуют данные ЮНЕСКО, МФЖ, многих других организаций. ООН принимает специальные резолюции в защиту журналистов, парламенты разрабатывают специальные законы, но репортеров (а сегодня – и блогеров) продолжают убивать.

То, что Россия входит в первую двадцатку наиболее опасных для журналистов государств вот уже многие годы – результат не только общей криминальной ситуации в стране (на что часто ссылаются представители правопорядка), но и прямое следствие безнаказанности убийц.

Мы верим в то, что виновные во всех преступлениях будут найдены и наказаны, а их имена будут преданы гласности. В то же время мы и дальше будем продолжать напоминать властям о данных обещаниях и необходимости завершить все дела. Мы сказали об этом 15 декабря родным погибших, которые продолжают ждать и надеяться на справедливость. Мы верим в то, что честная и смелая журналистика будет продолжать говорить о самом главном, поможет стране преодолеть разброд и растерянность, и будет вновь признана одной из важнейших ценностей российского общества.

Сегодня многие говорят о том, что журналистика умерла, что на смену репортерам придут информационные работники, которым не нужны ни этические кодексы, ни старомодные разговоры о некоем служении и гражданской миссии, главное – быстро и по возможности без грубых ошибок озвучивать меседж заказчика и подать повкуснее.

К счастью, не все так считают. Многие коллеги самого разного возраста в городах и весях нашей огромной страны продолжают сражаться за правду. И верят, что их слово изменит жизнь к лучшему.

В это же верят их читатели, в газете и в Интернете. И слово действительно меняет жизнь.

Так будет, пока мы помним коллег, погибших во имя свободного слова, а мы живы, покуда помним.

Надежда Ажгихина, секретарь СЖ России, газета «Новый вторник»

<http://www.ruj.ru/projects/pavshie.php>

В 13-й раз вручена премия имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок»

В Центральном доме журналистов в Москве 15 декабря 2013 года состоялась церемония вручения премии имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок». Она присуждается российским журналистам за материалы, которые становятся продолжением жизненной позиции авторов, последовательно воплощаемой в работе на высоком профессиональном уровне, и отстаивают те ценности, которые отстаивал А.Д. Сахаров.

Победителями конкурса и членами жюри в разные годы были люди, составляющие гордость российской журналистики – Эльвира Горюхина, Анна Политковская, Галина Ковальская, Отто Лацис, Дмитрий Фурман.

В тринадцатом конкурсе приняли участие журналисты из десятков городов России. География конкурса – от Южно-Сахалинска до Краснодара, от Владивостока до Санкт-Петербурга.

На финальном заседании жюри сначала были отобраны работы четырнадцати участников, которые произвели самое сильное впечатление. Среди них – материалы Абдуллы Дудуева, (Грозный-Москва), журнал «ДОШ»; Варвары Сияновой (Благовещенск), газета «Амурская правда»; Романа Хахалина (Самара), Интернет-издание «Парк Гагарина»; Ольги Гордеевой (Колпино, Санкт-Петербург), газета «Окно»; Натальи Фофиной (Владивосток), газета «Арсеньевские вести»; Сергея Сорокина (Сыктывкар), газета «Красное знамя»; Натальи Островской (Владивосток), газета «Комсомольская правда»; Дмитрия Флорина (Москва), сайт «ИнтерКавказ»; Марины Завадской (Владивосток), газета «Арсеньевские вести». В это же число вошли работы пяти будущих номинантов: Елены Суловой (Минеральные Воды, Ставропольский край), газета «Открытая. Для всех и каждого»; Сергея Соколова (Москва), «Новая газета»; Юлии Сунцовой (Ижевск), газета «День»; Владимира Ворсобица (Москва), «Комсомольская правда»; Елены Власенко (Москва), газета «Совершенно секретно».

После обсуждения и утверждения номинантов и еще одного голосования выяснилось, что лауреатом премии имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок» в 2013 году стала Юлия Сунцова.

В финальном заседании принимали участие не только члены жюри из Москвы, но и те, кто в тот момент находились в других городах – голосование проводилось по электронной почте. Так что были учтены мнения не только Алексея Симонова (председатель жюри, президент Фонда защиты гласности), Алексея Панкина (главный редактор журнала «Стратегия и практика издательского бизнеса. Ifra-ГИПП Magazin»), Игоря Найденова (специальный корреспондент журнала «Русский репортер», лауреат премии имени А. Сахарова за 2005 год), Бориса Дубина (социолог, Левада-Центр), Грегори Уайта (глава московского корпункта The Wall Street Journal), Владимира Воронова (обозреватель газеты «Совершенно секретно», лауреат премии имени А. Сахарова за 2010 год). В Махачкале работала Миясат Муслимова, профессор кафедры русского языка и литературы Дагестанского Государственного университета; в Киеве – Пилар Бонет, корреспондент газеты «El País», Испания; в Ванино (Хабаровский край) – Татьяна Седых, главный редактор газеты «Мое побережье», лауреат премии имени А. Сахарова за 2009 год; в Саратове – Юрий Чернышов, независимый журналист; в Омске – Георгий Бородянский, корреспондент «Новой газеты», лауреат премии имени А. Сахарова за 2011 год, в Вене – Сюзане Шолль, независимый журналист.

Финалисты конкурса награждены почетными дипломами жюри, номинанты и лауреат – дипломами и денежными премиями. Кроме того, дипломы получили редакции, опубликовавшие работы номинантов и лауреата: редакции газет

«Открытая. Для всех и каждого» (Ставрополь), «Комсомольская правда» (Москва), «Совершенно секретно» (Москва), «День» (Ижевск) и «Новая газета» (Москва).

Кроме того, специальным дипломом жюри награждена Виктория Гиль (Ногинск, Московская область). Поставленный ею спектакль украсил церемонию награждения.

После церемонии награждения победители конкурса и секретарь жюри премии были приглашены в студию Радио Свобода, где они участвовали в программе «Лицом к событию» (см. <http://www.svoboda.org/content/transcript/25201953.html>).

Фонд защиты гласности, Москва

Всемирный день волонтера – 2013

5 декабря – Всемирный день волонтера (Международный День Добровольца), и Фонд «Право Матери» поздравляет всех добровольцев, которые помогли нам в этот непростой для нашей организации год. Всех, кто печатал наши листовки и раздавал их людям, чтобы привлечь частные пожертвования для помощи родителям погибших солдат. Всех, кто приходил в наш офис и работал с архивом, принимал телефонные звонки, сортировал документы, помогал получать и отправлять письма и бандероли. Всех, кто помог нам хотя бы один раз, и тем более тех, кто помогает регулярно: Мария Прохорова, Елизавета Прудовская, Яна Черенкова, Анна Недорезова, Алексей Попов, Сергей Смирнов, Анастасия Соловьева, и все-все волонтеры, поддерживающие деятельность нашей организации в 2013 году, внесли огромный личный вклад в нашу работу – мы, команда Фонда «Право Матери», поздравляем вас, друзья, с вашим праздником!

Как известно, волонтер (доброволец) – это человек, который отдает свое личное время, талант и энергию какому-нибудь благому делу, не ожидая за это никакого вознаграждения. Поддерживая деятельность общественных организаций – таких как наш Фонд «Право Матери» – волонтеры проявляют тем самым свою активную гражданскую позицию. Такие люди не тратят драгоценное жизненное время на треп в соцсетях или лежание на диване у телевизора. Они делают социально значимую – имеющую огромное значение для всего общества работу, как правило – трудную, зачастую внешне – непривлекательную. Они выполняют эту работу бесплатно, не ожидая за это ни денег, ни славы, ни каких-либо иных выгод и бонусов. Ради того, чтобы все мы жили в цивилизованном человеческом обществе. Мы берем пример с наших волонтеров.

Для того, чтобы заниматься благотворительной деятельностью не обязательно иметь много денег. Каждый человек может посвятить свое свободное время волонтерству.

Фонд «Право Матери», Москва

Заявления и обращения

Закон «об иностранных агентах» невозможно исправить

Заявление Международного общества «Мемориал»

Прошел год со времени вступления в силу пресловутого закона «об иностранных агентах», принятого Госдумой в авральном порядке и незамедлительно утвержденного Советом Федерации и Президентом.

За этот год ни одна независимая некоммерческая организация не стала регистрироваться в качестве «иностранного агента». Волна прокурорских проверок породила многочисленные судебные процессы по поводу применения этого закона на практике. Ожидается рассмотрение норм этого закона в Конституционном суде РФ и в Европейском суде по правам человека.

Вероятно, в связи с этим теперь многие должностные лица – от Президента до Генерального прокурора – говорят о необходимости внесения в него поправок, уточняющих используемые в законе дефиниции.

Мы полагаем, что никакие частные изменения не смогут исправить этот изначально неправовой и антиконституционный закон. Концепция закона «об иностранных агентах» по сути не исходит из принципа верховенства права. Не существует ни одной проблемы, которую бы этот закон решал. Цели его инициаторов были сугубо политическими и конъюнктурными, а его формулировки вносят заведомо очевидную правовую неопределенность.

Основанием для избирательного и дискриминационного выделения тех или иных организаций из ряда других публичных акторов не могут быть ни источники финансирования (если эти источники не запрещены законом), ни характер деятельности (при отсутствии в ней доказательно выявленных правонарушений), ни принадлежность организации к той или иной организационно-правовой форме ассоциаций граждан.

Все некоммерческие организации – получатели средств как из российского бюджета, так и от частных спонсоров и фондов, отечественных или зарубежных, – так или иначе влияют на общественное мнение с целью добиться позитивных, с их точки зрения, изменений в стране.

И все они, если их действия нарушают закон, должны нести ответственность.

Закон же «об иностранных агентах» предусматривает противоположный порядок и фактически вводит презумпцию виновности искусственно выделенной группы организаций – до и вместо оценки их деятельности по ее содержанию и последствиям.

Намеренная нечеткость формулировок и юридическая безграмотность определений открывают широкие возможности для произвола. Это ведет к разрушению правовых основ демократического современного государства. Практика применения этого закона многими российскими судами дает дополнительные доказательства несовместимости закона с правом и здравым смыслом. Дело порой доходило до абсурда, когда политической деятельностью признавалось участие в написании доклада о ситуации с правами человека, ведение дел в судах, или даже требуемая законом публикация отчета о собственной деятельности.

Этот закон не подлежит исправлению. Любые поправки, даже сделанные с самыми лучшими намерениями, предполагают сохранение сути его концепции и способствуют дальнейшему закреплению неконституционных и антиправовых подходов в российском обществе и государстве.

Единственный выход из этой ситуации – скорейшая отмена закона «об иностранных агентах».

Международного общества «Мемориал»

Заявление членов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в связи с ситуацией в Украине

Мы, представители российских правозащитных организаций, ставшие свидетелями массовых акций протеста в Киеве в конце ноября – начале декабря 2013 года, выражаем глубокую обеспокоенность ситуацией в Украине.

Очевидный политический кризис, в котором оказался народ Украины, грозит расколом и дестабилизацией страны.

Нас беспокоят произошедшие случаи насилия и противостояние участников конфликта.

Мы призываем и власти, и участников акций протеста проявить гражданскую ответственность по отношению к будущему их страны.

Мы считаем, что все стороны конфликта должны заявить о своих намерениях воздерживаться от насильственных методов.

Мы требуем международного расследования произошедших случаев насилия с обязательным участием гражданского общества Украины и других стран.

Необходимо безусловное обеспечение безопасной работы для журналистов, правозащитников и независимых наблюдателей.

Мы обращаемся к российским СМИ с просьбой максимально объективно освещать события, происходящие в Украине.

Заявление подписали члены Совета: Евгений Бобров, Александр Верховский, Елизавета Глинка, Наталья Евдокимова, Сергей Кривенко, Элла Полякова, Николай Сванидзе, Елена Тополева-Солдунова, Ирина Хакамада, Игорь Юргенс, Андрей Юров

http://president-sovet.ru/council_decision/statements_by_members/zayavlenie_chlenov_soveta_v_svyazi_s_situatsiey_v_ukraine.php

Новости из регионов

Проект Доклада-2 Комиссии по расследованию событий 6 мая 2012 года на Болотной площади

К 12 декабря 2013 года члены Комиссии «Круглого стола 12 декабря» по проведению общественного расследования событий на Болотной площади 6 мая 2012 года подготовили проект Доклада-2 о процессах «болотных узников».

В проекте Доклада-2 на основании обнародованных на процессах документов, записей судебных заседаний (9 заседаний по существу по делу Михаила Косенко и 58 заседаний по существу по делу 12-ти), материалов, подготовленных НКО, личных мнений членов Комиссии, неоднократно участвовавших в судебных заседаниях (Людмила Алексеева, Лия Ахеджакова, Гарри Бардин, Валерий Борщев, Владимир Корсунский, Владимир Мирзоев, Сергей Пархоменко, Александр Подрабинек, Ольга Романова, Лев Рубинштейн, Александр Рыклин, Юрий Рыжов, Георгий Сатаров, Зоя Светова, Андрей Смирнов), члены Комиссии пришли к следующим предварительным выводам.

1. Все без исключения подсудимые невиновны по существу предъявленных им обвинений. У судебного разбирательства должен быть предмет и четкие пределы. Должен быть документ под названием «обвинение», соответствующий требованиям закона, и каждый его пункт должен быть состыкован с каждым деянием каждого конкретного человека. Этого не было на процессе Михаила Косенко, этого нет на процессе по делу 12-ти. Более того – не сказано ни слова о массовых беспорядках, к которым якобы привели действия обвиняемых, равно как и о действиях обвиняемых, отвечающих юридическим критериям массовых беспорядков. И в результате этих неописанных массовых беспорядков якобы пострадали 77 человек – сотрудников полиции и два гражданских лица, был разломан асфальт и брошены в реку шлемы. Отсутствие содержания камуфлируется множеством пустых слов. Закон дает достаточно определенное описание этого состава преступления (массовые беспорядки), чтобы понять, что то, что произошло 6 мая на Болотной ничего общего с этим преступлением не имеет.

2. В ходе судебных процессов целиком подтвердилась версия Комиссии, выдвинутая в Докладе-1: произошедшее 6 мая 2012 года на Болотной площади было заранее спланированной и спровоцированной властями акцией массового беззакония.

3. Проходящие судебные процессы являются естественным продолжением политического плана, который начал осуществляться действующей властью 6 мая 2012 года. Ход судебных процессов с процессуальной точки зрения ничем не выделяется от других подобных фальсифицированных процессов, вроде двух судебных процессов Ходорковского и Лебедева, процесса по делу Pussy Riot и других подобных, инициированных политической властью. Тот же крайне низкий профессиональный уровень обвинения, то же вопиющее неравноправие сторон. Разве что время от времени бросается в глаза откровенный садизм правоприменителей. В этом нет ничего удивительного: провокация власти на Болотной площади была бы бессмысленной, если бы ее инициаторы не могли рассчитывать на всю карательную машину, включая специально подобранных судей.

3. Важной пропагандистской частью плана власти являлась слово «массовость». Идея «массового протеста» должна была быть заменена в массовом сознании идеей «массовых беспорядков». Это единственное, что рационально обосновывает объединение в один процесс дела 12 подсудимых, которым предъявляются различные обвинения. Двенадцать человек, придерживающихся различных взглядов и предпочтений, в зале должны были создавать все тот же эффект массовости осуществленного «преступления», что облегчило бы пропагандистское объяснение применения статьи об ответственности за участие в массовых беспорядках. Такой процесс должен был стать важной пропагандистской акцией, направленной как на запугивание участников протестных акций, независимо от их политических взглядов, так и на массовое сознание людей. Эта затея оказалась сорванной из-за низкого качества обвинения, из-за откровенных фальсификаций показаний свидетелей и других «доказательств» обвинения, из-за мужества и достойного поведения подсудимых. Поняв это, власть пошла по пути замалчивания и маргинализации процесса.

4. Бросается в глаза тот факт, что судебные процессы узников 6 мая стали органичной частью общей тенденции резкого усиления репрессивности путинского режима. В рамках этой серии судебных процессов это особенно проявилось в

процессе и судебном решении по делу Михаила Косенко. Этот процесс отличался уникальным сочетанием бездоказательности, цинизма и садизма власти. Встроенность этого решения в общую политическую тенденцию в стране проявилась в том, что практика, основанная на применении недобросовестной карательной судебной психиатрии, становится сейчас одним из приоритетов репрессивного правоприменения. Нетрудно заметить также, что период времени, в течение которого происходят судебные процессы узников 6 мая, отмечен нарастанием интенсивности репрессивных политических процессов, столь же далеких от морали, права, законов.

Основываясь на данных Доклада-1 и Доклада-2 Комиссии «Круглого стола 12 декабря» по проведению общественного расследования событий 6 мая 2012 года на Болотной площади Москвы, «Круглый стол 12 декабря» призывает провести повторную медицинскую экспертизу Михаила Косенко, амнистировать всех без исключения подсудимых и подследственных, проходящих по «болотному делу». Это единственный выход из правового тупика, в котором оказалась власть.

Доклад-2, анализирующий процессы над болотными узниками, будет закончен, когда будет вынесен приговор по делу 12-ти.

<http://rt12dec.ru/bolotnoe-delo/proekt-doklada-2-komissii-kruglogo-stola-12-dekabrya-po-obshhestvennomu-rassledovaniyu-sobytij-6-maya-2012-goda-na-bolotnoj-ploshhadi-12-12-2013/#more-1766>

«Агора» представила доклад об ОНК

18 ноября 2013 года в 43 регионах России начал работу новый третий состав Общественных наблюдательных комиссий (ОНК) по контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. Межрегиональная правозащитная Ассоциация «Агора» проанализировала способы нейтрализации ОНК в России за последние 5 лет. Выяснилось, что этот фронт противостояния общества и государства открытый и местами весьма горячий.

В понедельник к работе в ОНК приступили 712 человек в 43 регионах. В идеале их должно было быть 1800 в 45 субъектах России. Совсем не удалось сформировать ОНК в Кабардино-Балкарии и Ингушетии, хотя во втором составе было по 6 человек в каждой. В 9 региональных ОНК вошло всего от 4 до 6 членов. Допустимый с третьего состава максимум – 40 членов – зафиксирован только в Москве и Санкт-Петербурге. Это лишний раз доказывает – увеличение максимального количества членов ОНК с 20 до 40 человек делалось исключительно под ОНК столиц России и, безусловно, с целью влияния на них.

Основные выводы доклада Ассоциации Агора.

С каждым новым составом с увеличением влияния ОНК усиливалось и давление как на отдельных членов, так и на сам институт. В нем появлялось все больше людей, отстаивающих интересы ФСИН и МВД. Это вылилось в последние громкие скандалы, связанные с формированием ОНК Москвы.

Изначально ФСИН и МВД тормозили принятие закона об общественном контроле в России. Когда он все-таки был принят, силовикам не удалось существенно повлиять на первый состав. Независимые члены ОНК стали сообщать о многочисленных фактах нарушения прав человека в колониях, СИЗО и отделах полиции. Во второй состав ведомства постарались провести своих членов и через подконтрольных председателей стали блокировать наиболее активных правозащитников. К третьему составу силовики решились, насколько это возможно, убрать всех независимых и неугодных из региональных комиссий. Во многих регионах это сделать удалось.

Таким образом, как только институт общественного контроля за местами принудительного содержания в нескольких регионах страны сформировался как эффективный инструмент защиты прав человека, по нему был нанесен сокрушительный удар со стороны силовиков. За 5 лет они последовательно и многоступенчато подрывали эффективность ОНК. На сегодняшний день можно констатировать, что во многих регионах России решения о том, кто будет осуществлять общественный контроль над деятельностью силовиков, принимают сами силовики.

С полным текстом доклада можно ознакомиться на сайте «Новой газеты» здесь: <http://www.novayagazeta.ru/politics/61018.html>

Дмитрий Колбасин, Ассоциация «Агора», Казань

Как мы провели «Общероссийский день приема граждан»

В день Конституции Российской Федерации, по поручению Президента РФ, властями был анонсирован «Общероссийский день приема граждан».

Сотрудники организации «Человек и Закон» решили воспользоваться такой возможностью и задать вопросы руководителям республиканских правоохранительных ведомств: прокурору Республики Марий Эл, министру МВД по Республике Марий Эл и руководителю Следственного комитета.

Перечень вопросов подготовленных руководителям ведомств касался соблюдения прав и свобод человека в Республике Марий Эл, который включал:

– прокурору Республики Марий Эл: «Какое количество фактов проведения неэффективного расследования следователями следственного комитета по заявлениям граждан на применение пыток, насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов было установлено сотрудниками прокуратуры за 2012 и 9 месяцев 2013».

– министру внутренних дел: «Какие меры ответственности предприняты руководством МВД к сотрудникам органов внутренних дел по делам, где РФ проиграла дела в Европейском суде по правам человека; В связи с чем прошло формирование Общественного Совета при МВД по Республике Марий Эл с нарушением Указа Президента РФ (не было извещения на сайте МВД с приглашением к участию в подаче заявлений кандидатами в общественный совет); По каким причинам руководством МВД по Республике Марий Эл не принесено официальное извинение господину Дубинкину, по делу которого сотрудник органов внутренних дел МВД по Республике Марий Эл был признан виновным в совершении преступления.»

– руководителю Следственного Комитета: «Какое количество заявителей в 2013 году обратились с жалобами на применение пыток или насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов; какое количество дел было возбуждено по вышеуказанным заявлениям. По тем заявлениям, по которым было отказано в возбуждении уголовного дела, по каким основаниям было отказано.»

Сотрудники организации сожалеют о том, что удалось попасть на личный прием лишь к руководителю следственного комитета в Марий Эл. Министр внутренних дел по Республике Марий Эл не вел личного приема, его проводил заместитель министра. Прокурор Республики Марий Эл принимал заявителей лишь, в том случае если его подчиненные ранее рассматривали данное обращение (соответственно в данном случае жалоба должна была состоять на нижестоящих сотрудниках прокуратуры).

Руководитель Следственного комитета Олег Доронин принял правозащитников. Светлана Тореева представлявшая нашу организацию задала ему волнующие организацию вопросы. Олег Михайлович постарался максимально полно ответить на наши вопросы. Гарантировал, что в ближайшее время обязательно последует официальный и уточненный ответ раскрывающий статистическую информацию.

Сотрудники организации приняли решение направить подготовленные вопросы в адрес министра внутренних дел по Республике Марий Эл и прокурора Республики Марий Эл.

«Человек и закон», Йошкар-Ола

Интервью

Михаил Ходорковский: «Я вернусь в Россию»

Ходорковский рассказал, какое прошение он написал Путину, как его освобождали и почему его не убили в лагере

Черная водолазка, джинсы – на смену тюремным брюкам, седой ежик, очки в тонкой оправе, заметно сутулятся, и вообще видно, что 10 лет тюрем и лагерей отнюдь не способствуют поддержанию фигуры и белозубой улыбке. Из реалити 2013-го – на журнальном гостиничном столике iPhone, до которого за все почти три часа разговора ни разу не дотронулся: этот гаджет, появившийся, когда он сидел, ему явно еще чужой. Говорит скорее тихо, без всякой экзальтации, от вопросов не уходит, лишь иногда: «У меня остались заложники, не хочу им навредить». Из лагеря вышел с двумя сумками бумаг, куртку ему дали в аэропорту Пулково перед отлетом в Германию – в обмен на лагерный бушлат и шапку. Предлагали еще и брюки сменить на аэрофлотские со светоотражателем – отказался. Когда рассказывает о лагерных буднях, употребляет настоящее время, и ты понимаешь: это все еще его жизнь. И лишь 5-звездочная гостиница в центре Берлина у Бранденбургских ворот, сотни репортеров на ее подступах, полуторакомнатный номер (все по-немецки тяжело и основательно) да письмо на столе с его фамилией на конверте, оказавшееся от президента Германии Гаука, напоминают, что интервью дает уже не зэк – Михаил Борисович Ходорковский, человек, чья фамилия в заголовках всех мировых СМИ. Свое первое интервью на свободе он дал The New Times, кolumnистом которого является уже несколько лет.

Как вы спали эту первую ночь на воле?

Никак. Плохо – проснулся часа в три.

И как нормальная кровать взамен шконок, на которых вы ночевали 10 лет?

Нет, не десять лет – у меня трижды были свидания, там нормальные кровати. Но меня, поверьте, все эти вещи совершенно не трогают.

Из лагеря вы приехали не домой в Кораллово, где вас ждали мама и папа, и не в московскую квартиру, где ждала жена Инна и дети, – прилетели в Германию. Что это: изгнание в обмен на каторгу?

Я не могу исключить тот факт, что мне в связи с известными вам обстоятельствами (тяжелой болезнью матери, Марины Филипповны. – The New Times) все равно нужно было в какой-то момент выехать за границу в Берлин. И это серьезно повлияло на принятие (Путиным. – The New Times) решения. Если бы у мамы была перспектива находиться в Москве, думаю, – это мое предположение, – что решение Владимир Владимирович принимал бы с большим трудом. А тот факт, что мне нужно было улететь в Берлин, а я отдавал себе отчет в том, что улететь-то я могу в Берлин один раз, как сейчас, а если вернусь (в Россию), второй раз меня из страны уже могут не выпустить, поскольку формальных причин, за которые можно зацепиться, хватает, – короче, это, я думаю, облегчило Владимиру Владимировичу принять решение о моем помиловании.

Эмиграция, пусть и временная, – это было условием вашего освобождения из лагеря?

Я не могу сказать, что это было условие. Это то, что облегчило, позволило принять решение о помиловании. И когда сейчас пишут, что приезжали какие-то представители спецслужб в лагерь, а я задавал им какие-то дурацкие вопросы, о которых сейчас пишут, – ничего это не было. Потому что мы с Владимиром Владимировичем слишком давно друг друга знаем. И нам не нужно произносить лишних слов для того, чтобы получить заранее читаемый и понимаемый ответ.

Как это было

Как все произошло?

Мои адвокаты мне передали, что решение о помиловании может быть принято. И что признания вины как условия освобождения – передо мной не ставят. Это была ключевая проблема начиная с медведевских времен. Еще Медведев сказал, что готов помиловать, но при этом Путин или кто-то от Путина тут же сказал, что для этого необходимо признание вины. Для меня написать прошение о помиловании было абсолютно не критично. Суд (по второму делу) был постановочным, и все это прекрасно понимали. В ответ на одну липовую бумажку написать другую липовую бумажку – никакого морального дискомфорта я бы от этого не испытывал. Мы обмениваемся с властью липовыми бумажками, и власть это понимает, и я это понимаю. И они понимают, что я понимаю, и я понимаю, что они понимают. В общем, здесь полная прозрачность у нас. И в этой липовой бумажке была только одна не липовая проблема (имея в виду времена Медведева) – признание вины. Потому что, как только я пишу, что признаю вину, куча уважаемых мною людей попадают в очень тяжелую ситуацию, фактически любой человек, ранее работавший в ЮКОСе, становится уязвимым. Как у нас рисуют «организованную группу», объяснять не надо. Поэтому этот вопрос мною не обсуждался. В липовой бумажке был бы готов написать что угодно, хоть про космические корабли, которые бороздят просторы Вселенной. Но признание вины имело бы вполне конкретные последствия для очень широкого круга людей, которых мне подставлять никак не возможно. В этот раз мне сказали: не надо писать признание вины.

Это когда было?

12 ноября. Мне было сказано, что и ситуацию с мамой надо упомянуть. Врать я, естественно, не стал бы, но это реальная ситуация, я о ней написал. Ну и все: отдал. Я прекрасно понимал, что вариантов будет два – либо третье дело, либо меня выпустят.

И никаких условий вам не ставили: скажем, не занимаешься политикой, не финансируешь оппозицию, о Навальном ни одного хорошего слова и так далее?

Нет, не было. Я написал в своей бумаге то, о чем раньше не раз говорил публично: я не собираюсь заниматься политикой и не собираюсь бороться за возвращение активов (ЮКОСа).

Сечин может не ждать от вас исков?

Я об этом много раз говорил, и если я один раз сказал, то должны появиться очень веские основания, чтобы мое решение изменилось. Этих веских оснований нет. И да, я просил дать мне возможность выезда за границу. Дело в том, что тогда, 12 ноября, мама была в больнице в Берлине. К счастью, две недели назад врачи ей сказали, что она может на три месяца вернуться в Москву, и потом опять в Берлин. Слава богу, что ей дали этот передых. Но в результате получилось, что мы разминулись.

А вы знали, что она в Москве?

Конечно.

И вы понимали, что в Кораллово вам не приехать?

Да. Так я оказался здесь, в Берлине, а они – родители, жена, дети – в Москве. Но вариантов не было. Наша власть честно может говорить, что они меня не высылали, а что я об этом просил. А зная наши реалии, мы абсолютно точно можем понимать, что меня из страны попросили. В нынешней ситуации я, все понимая, на это пошел. Потому что тема (болезнь мамы) слишком серьезная. Но если бы нужно было подставить людей, я бы не вышел. Когда меня адвокат спросила: а если они все-таки будут настаивать на том, чтобы я подписал признание вины, я сказал – ну, значит, ничего не получится. Если бы я в такой ситуации написал признание вины, то мама моя меня бы домой не пустила.

На все остальное мне было наплевать.

Расскажите о заявлении, которое вы написали: как оно выглядело?

Официальное заявление о помиловании – это фактически одна строчка: прошу освободить меня от дальнейшего отбывания наказания, поскольку из 10 лет 10 месяцев я провел в местах лишения свободы больше 10 лет. Все, точка. Кроме того, есть еще и мое личное письмо Путину, где я и написал о том, о чем вам только что рассказывал, – о ситуации с мамой.

И как эзка Ходорковский передал письмо Путину в Кремль?

Это, в общем-то, совершенно не проблема. Я передал письмо адвокату, при этом администрация колонии могла при желании видеть, что я его пишу. Видеонаблюдение. А адвокат передал письмо господину Геншеру (министр иностранных дел Германии в 1974–1992 гг. – The New Times). Как и кому конкретно передал письмо г-н Геншер – я не знаю.

Объясните, почему (канцлер Германии) Ангела Меркель так за вас борется, в чем ее интересы? Говорят, на каждой встрече с Путиным она задавала вопрос о вас, и именно ей, как рассказывают, Путин летом сказал что-то вроде того: «Досидит и выйдет, никакого третьего дела не будет». По словам депутата бундестага Марии-Луизы Бекк, переговоры о вашей судьбе шли девять месяцев...

Для меня это тоже загадка. Но, знаете, бывают такие позитивные загадки. Когда происходит некое чудо, а причины этого чуда ты не знаешь.

Это не торг за вас между Меркель и Путиным, где вы выступаете как своего рода козырь?

Мне об этом никто ничего не говорил.

А если вам разрешат вернуться, вы вернетесь в Россию?

Конечно.

Уже начали говорить, что вот, Ходорковский уедет в США, он не собирается возвращаться.

Значит, еще раз: г-н Песков сказал, что я могу в любой момент вернуться.

Это так?

Он лично, я слышал... Но с объективной точки зрения я вернусь только в том случае, если буду уверен, что смогу выезжать при необходимости. В нынешней моей семейной ситуации – это главное условие.

Спецоперация

Как вы узнали о том, что президент России вас решил помиловать?

Сначала я услышал по радио то, что Путин сказал про третье дело. Меня это, конечно, очень порадовало, потому что я, честно сказать, думал, что у меня на совести еще 15 человек повиснет. Когда я услышал, что третьего дела не будет, у меня камень с души упал. То, что он сказал в конце (о том, что готов помиловать Ходорковского), по радио не говорили. Потом телевизор включили в районе шести часов, и вот это мы все и услышали.

Я понимаю: решение принято. И понимаю, что все решится в дни, потому что они постараются меня быстро убрать из лагеря. Я сразу сказал ребятам: народ, журналисты из Москвы будут добираться сутки – двое, власти этого боятся, им это совершенно не нужно. Короче, иду, сразу складываю бумаги, чтобы их увезти.

А какая была реакция лагеря, мужиков?

Ну как. Все, кто считает для себя возможным... потому что за общение со мной у людей были проблемы... кто считает возможным, кто не боялся проблем, – подходят, поздравляют. Это тот лагерь, где меня звали только по имени-отчеству.

А как поздравляли? Как это говорят люди в лагере?

У нас это в общем-то достаточно частое явление. Когда народ или на УДО уходит, или по звонку. Но в основном на УДО. Или там по поправкам (срок) снижают. Подходят и поздравляют друг друга, это общепринятое, не ко мне только относится. Подходят и говорят: «Михаил Борисович, поздравляем! Надеемся, что до Нового года уже будете дома!»

Так вот, у нас отбой, ложимся спать. Я нормально, в общем, засыпаю. Это четверг (19.12.2013 г.), вечер. В 2.30 меня будит начальник лагеря и говорит: «Михаил Борисович, пожалуйста, оденьтесь». Я понимаю ситуацию, одеваюсь. Он говорит: зайдите, пожалуйста, в комнату. Там отдельная комната есть, бытовое помещение, там сидит какой-то товарищ. Он говорит: вы меня не узнаете? Я говорю: извините, нет. Он говорит: я начальник управления (ФСИН) по Карельской республике. Мы с ним виделись, но поскольку он был одет по гражданке, я его не узнал. Он говорит: я за вами приехал, мы сейчас с вами поедем, я вас должен этапировать, вы сегодня будете дома. Он мне объяснил, почему он приехал – говорит: «Забрать человека из лагеря без бумаги могу только я».

А бумаги не было никакой?

Ну он так сказал, там уж я не знаю. Очень вежливо, очень лояльно. Спрашивает: «Что вам надо собрать?» Слава богу, у меня все было сложено, я бумаги свои собрал. Мы садимся в его служебную машину. Он говорит: с формальной точки зрения мы вас этапироваем, но фактически мы вас везем домой.

И без конвоя?

С ним два человека было: его служащий и формальный конвой.

А наручники?

Не-не-не, ни наручников, ничего. Просто сели впятером в машину: он, я и вот эти два молодых человека. Тоже все по гражданке одеты. Мы поехали, и он говорит: за вами самолет будет в 8 часов утра, а потом сказали – не в 8, а в 11. У них там есть Дом приемов ФСИН, мы поехали туда, там посидели до половины одиннадцатого, телевизор посмотрели, чай попили. Поговорили так, ни о чем, что называется. Без всяких. И дальше он меня отвез в аэропорт Петрозаводска, посадил на самолет...

Он один или с этими двумя молодцами?

Там, у аэропорта, вместо этих двух молодцов села девушка, которая сказала, что она из облуги аэропорта: «По нашим инструкциям мы не можем пропускать машину без сопровождения». Она, девушка, что интересно, вообще не знала, кто я и что...

Она вас не узнала?

Она меня не узнала, во-вторых, она думала, что я сотрудник, потому что там все одинаково стриженные. И мы доехали на этой машине до самолета. Сразу на взлетную полосу. Я зашел в самолет. Это был Ту-134. Такой салон нормальный, это чей-то явно самолет.

Частный?

Ну я не думаю, что частный, я думаю, что служебный – или ФСИНа, или еще кого-то.

Но пассажиров там не было?

Пассажиров не было, было двое сопровождающих. У нас, говорят, задача вас сопроводить до Санкт-Петербурга, там вас будет ждать самолет. Я говорю: хорошо.

А документы вам дали какие-то?

Значит, паспорт, который мне делали в колонии, я, честно сказать, забыл. Сказал начальнику управления, он сказал, что отдаст адвокату. Мы прилетаем в Санкт-Петербург, они говорят, эти ребята, которые со мной летели: вот вам паспорт. И дают мне паспорт заграничный. Надо расписаться. Я расписываюсь в этом паспорте.

Это в Пулково?

Прямо в самолете. И говорят: «Дайте нам этот паспорт, мы вам поставим вылет». Забрали паспорт, пошли, поставили вылет, вернули мне паспорт с вылетом уже из РФ. А я сидел в этом самолете, ждал.

А вы не сказали им – у меня мама и папа под Москвой? Жена Инна в Москве, дети все тоже в Москве – вы куда меня?

Жень, ну с кем мне разговаривать?

А вы знали, что вас отправляют из страны?

Ну конечно, ну я что, дурак, что ли?

Вам сказали, что вас – высылают?

За 10 лет я превосходно научился понимать, какие у кого полномочия и кто принимает решения. По мне решение принимает один человек. Все 10 лет. Один человек. Все остальные в пределах этих глобальных решений могут пять копеек добавить или убавить. Разговаривать с этими людьми можно только в том случае, если есть желание поскандалить, причем поскандалить исключительно для собственного удовольствия. Я удовольствия от бессмысленных обсуждений не получаю.

И вы ничего не спрашивали? Куда, в какую страну? Или вы заранее знали?

Я ничего не знал, но я достаточно хорошо считаю.

И вы понимали, что это Германия?

Конечно. Мы прилетаем в Пулково, сидим в этом Ту-134 несколько часов, ждем, пока прилетит другой самолет.

Вас покормили там?

Женя, если меня при каком-то этапировании меньше десяти раз спросили, хочу ли я поесть и не надо ли мне в туалет, это значит, что этапирование продолжалось меньше часа. В отношении меня никаких прав ерундовых никогда не нарушали. Нарушения всегда по-крупному. А по мелочи они, ради бога, только будут исполнять закон. Мы с ними сидели общались, потом прилетела эта «сесна», меня проводили до нее.

Это частный был самолет, как сказал журналистам Геншер?

Я не знаю. Проводили до этой «сесны», ребята там отчитались, говорят: мы будем ждать, пока она взлетит. Более того, повесело вас... Эти ребята говорят: «Михал Борисович, а что у вас одежды-то нету?» Я говорю: «Вы меня так здорово собирали, что адвокат одежду даже не успела привезти». У меня две сумки с бумагами. И с бритвой, естественно. Они говорят: мы сейчас попробуем что-нибудь сделать. Они брякнули в Пулково, притащили летнюю куртку, вот эту вот пулковскую, которая теперь на всех фотографиях. И брюки. Но брюки были со светоотражателями. Я говорю: вы знаете, пока Мосгордума не приняла закон, я со светоотражателями надевать не буду. Они говорят: «Ну ладно, давайте хоть куртку. А мы в обмен заберем вашу куртку и шапку».

Лагерные?

Лагерные. У нас с ними произошел бартер. И я сел в этот самолет, а там уже мне пилот сказал, что г-н Геншер прислал этот самолет и мы будем через два часа в Берлине. С точки зрения картинки это было отрежиссировано. Если бы кто-то захотел снять кино про 70-е годы, высылку диссидента, лучше бы не придумали. Была такая сугубо постановочная высылка: подгон микроавтобуса вплотную к люку самолета, несколько людей, которые слонялись в окружении с серьезными выражениями лица, вручение паспорта на трапе... И мы расстались.

Воля

И вот Берлин, пятизвездочная гостиница, вы входите в номер. Что для вас было самое-самое: душ, теплый туалет? Или возможность открыть холодильник? Или то, что вставать не надо по расписанию?

Вы поймите, для меня как будто этих десяти лет не было.

Как так?

Так.

Вы седой стали.

Да, возможно. И седой, и навыки какие-то утрачены, какие-то, наоборот, появились. Но в бытовом смысле – как будто этих десяти лет не было. Меня ничего не напрягает. Ничего особо не вдохновляет. Сказать, что мне очень хотелось выпить шампанского? Я вот вам как-то сказал, что хотелось бы 100 грамм ледяной водки, чего до сих пор не принял, но с учетом того, что вы привезли, думаю, что я сумею кого-нибудь убедить мне ее заморозить и тогда выпью. А так – наверное, это будет странно звучать, но вам я скажу, а вы мне постарайтесь поверить. Я абсолютно равнодушен к бытовым условиям. На 100 процентов. Я абсолютно равнодушен к еде. Мне просто наплевать.

Это всегда так было или сейчас?

Мне сложно сказать, всегда ли так было. Свойство памяти у меня такое: несущественное я очень быстро забываю. Но вот приезжают мои родные на свиданку. Я им заказываю привезти то-се. Я заказываю, чтобы им было приятно. Мне – без-раз-лич-но. Я выхожу со свидания, иду в столовку и ем там баланду. Наверное, это не надо рассказывать, потому что народ в большинстве своем не поверит, скажет, что рисуюсь. Но вот оно так. Мне без разницы. То, что действительно, по-настоящему доставало... я не знаю, насколько это осознавала наша власть, – это бессмысленность существования. Вот я иду на работу и 8 часов, а с учетом построенный-перестроенный, с учетом захода, отхода, подхода это 10–11 часов в день (я работал как положено), занимаюсь ерундой. Понимаете, я занимаюсь тем, что трачу драгоценное время.

Вы папки клеили?

Папки клеил, варежки шил, неважно. Я трачу драгоценное время. Вот я знаю, что если я хочу написать хорошую вещь – неважно, письмо ли это будет, или статья, или что-то еще, – мне надо это делать в первой половине дня, пока у меня хорошо работают мозги. Я жаворонок. А я в это время клеил папки. Вот ровно поэтому тюрьма мне нравилась больше: там можно было, когда не было судебного заседания, с утра вырезать себе три часа на книжку, статеечку какую-нибудь. Колония этой возможности не дает. И это самое противное.

Жизнь по расписанию – это меня абсолютно не тревожит. Я консерватор по своей природе, и для меня каждый день вставать в шесть – это хорошо. Если каждый день в 18 часов что-то есть – это замечательно. Но потеря времени, причем такая фундаментальная, годами... вышибание времени – это, конечно, плохо.

Подельники

Вы предупредили Платона Лебедева о том, что будете подавать прошение о помиловании? Он знал?

Никто не знал.

А он будет подавать прошение?

Нет, он сказал, что 25-го числа мы с ним эту тему обсудим. Здесь, на мой взгляд, есть плюсы и минусы. Скажем так, в определенном смысле, может быть, досидеть и проще.

А Пичугин?

(Вздыхает.) Я могу повторить то, что сказал однажды. Войны не заканчиваются, пока хотя бы один живой солдат не вернулся домой. Я с этой максимой абсолютно согласен. Нельзя сказать, что тема ЮКОСа закрыта, до тех пор пока не решена эта проблема.

А что вы можете сделать, Михаил Борисович?

Это тот вопрос, который я не буду обсуждать. Я хочу зафиксировать, что для меня не закрыта и никогда не будет закрыта эта проблема. Я могу наплевать на активы и на десять лет...

Это серьезно – про активы?

Это серьезно, и для меня лично этот вопрос закрыт. Но я никогда не скажу, что для меня закрыта проблема, пока Пичугин в тюрьме.

Путин

Как вы считаете, выпуская вас из тюрьмы, какой сигнал Путин хотел послать стране? Что он этим хотел сказать?

Зная Путина в той мере, в какой я могу его знать (а я наглый человек и могу сказать, что, наверное, это процентов аж 15 исследованной территории), могу сказать, что прежде всего он хотел послать сигнал своему окружению – прекращайте охреневать. Видимо, иным способом, кроме такого достаточно сильного, он уже навести там порядок, не прибегая к посадкам, не может. Я бы сказал так: навести порядок в том борделе, который вокруг собрался, можно было, лишь законопатив лет на десять Сердюкова либо выпустив меня. Я рад, что было принято второе решение.

То есть это прежде всего сигнал своим ребятам: вы зарвались?

А во-вторых, это сигнал обществу и, главное, миру, что я, мол, чувствую себя достаточно устойчиво. Я не боюсь. Вот сигнал, который он хотел послать, на мой взгляд. Но я могу ошибаться на сто процентов, потому что мы сейчас занимаемся вопросами психологии.

Мы никогда не говорили с вами об этом, когда вы сидели, но я сейчас позволю себе спросить: почему они вас не убили, хотя в лагерях и тюрьмах это легко было сделать?

Во-первых, я твердо уверен, что, если бы Путин дал команду меня убить, меня бы убили. Но Путин по каким-то причинам запретил в отношении меня делать две вещи: он запретил трогать семью и он запретил ко мне применять насилие. На это был наложен абсолютно жесткий запрет.

Почему?

Ну давайте я не буду психоаналитиком у Путина...

Но в первом лагере, в Краснокаменске, вас таки пытались порезать...

Это был эксцесс, я вас уверяю... Я сразу попробовал оценить ситуацию, куда она может пойти. И понял, что применять ко мне насилие они не могут.

Почему Путин вас помиловал? Кто-то говорит: он, узнав про болезнь вашей мамы, позволил себе сентиментальность.

То, что он меня помиловал, об этом не свидетельствует совершенно. Может быть, он и учитывал мои личные обстоятельства, но для него это абсолютно прагматический расчет.

Чтобы вы уехали?

Я не знаю.

Сочи?

Я не знаю.

Какую цель он преследует?

Сейчас совершенно очевидно, не только на примере моей судьбы, но и на примере того, что он делает с информационными агентствами, он занялся менеджированием репутационной составляющей своего режима. И он этим сейчас по каким-то причинам озабочен. Сочи ли это, желание ли это применять «мягкую силу» в каких-то ситуациях, желание ли это сбалансировать европейское и китайское направление, почувствовал ли он, что слишком большая ставка сделана на азиатское направление, и если мы потеряем Европу, то азиатское направление, особенно китайские товарищи, отожмут у нас гораздо больше, чем мы хотели бы... Вот не знаю, какие причины для него являются базовыми, чтобы начать пытаться менеджировать репутацию режима – и страны в целом, но и режима тоже. Тем не менее этим он на сегодняшний день занимается.

Зачем надо было устраивать истерику с «третьим делом Ходорковского», когда уже, как мы теперь понимаем, ваше письмо и ваше прошение лежало на столе и Путин его рассматривал? Один известный политик мне сказал, что отдельные элементы системы стали работать самостоятельно. А это ведь страшная история. Так было в известной степени с НКВД...

Дело в том, что как только он почувствовал, что для части общества он не является арбитром, он просто взял эту часть общества и вынес за скобки.

То есть это – нас?

Угу. Он просто ее вынес за скобки. И сказал, что ему дороже роль арбитра, чем представителя всех. Это некий технологический выбор политика. За всем этим, я считаю, кроется только одна серьезная проблема: все мы люди и у всех у нас век – и политический, и жизненный – ограничен, и соответственно, когда этот век у Путина кончится, выстраивание ситуации на базе жесткого конфликта внутри окружения приведет к смутному времени.

Завтра

Вы всего 24 часа как на воле, а у вас уже есть iPhone. И как вам?

Вы знаете, в бытовом плане как будто бы не было десяти лет. Вышел, нашел. Я пока этим владею хуже, чем молодые люди, но мне помогают.

Все интересуются: будете заводить себе аккаунт в фейсбуке? А в твиттере? В инстаграме?

(Смеется.) Я вам скажу так: я, естественно, буду обсуждать эту тему со своими уважаемыми коллегами, но тратить на сидение в интернете больше чем час в день – неправильно.

Вы прямо как Владимир Владимирович, который считает, что интернет – это мусорная помойка.

Нет, нет. Я думаю, что он так не считает и он, несомненно, им пользуется. Лично не лично. Я не могу себе представить профессионального разведчика, который, видя такую информационную поляну, не стал бы на ней играть. Я считаю, что соцсети все-таки – это в значительной степени болтовня. Я не говорю, что этого не надо. Но тратить на это больше часа в день я считаю непродуктивным. В отличие от политиков, которым надо куда-то избираться, я могу себе позволить общаться с теми людьми и даже представлять интересы тех людей, которые мне нравятся.

Как вас понимать? Вы политикой заниматься не будете, возвращать активы ЮКОСа не будете, избираться в президенты не хотите...

Я без всяких сомнений буду заниматься общественной деятельностью. Буду заниматься гражданским обществом. Без всяких сомнений, я буду продвигать ту идею, не из-за которой, а с которой я ушел в тюрьму: что России необходима либо парламентская, либо уж, по крайней мере, президентско-парламентская республика. Я буду убеждать людей, что нам это необходимо.

Какие у вас планы? Чем вы будете заниматься?

Я не строил планов, и сейчас я буду некоторое время осматриваться. Слушать людей, потому что я, конечно, хочу знать их мнение. Не только информацию, но и мнение. Я все-таки был отсечен от значительной части потока. После чего буду принимать для себя решения. Но совершенно очевидно, что политикой – в смысле избрания в какие-то государственные органы – мне заниматься не интересно. Я не хочу руководить бюрократами. Заниматься бизнесом мне не интересно, я уже эту тему прошел. А в какой форме и каким типом общественной деятельности я стану заниматься – я буду об этом думать.

Беседовала Евгения Алтбац, «The New Times»,
<http://newtimes.ru/articles/detail/76393>

Владимир Войнович: «Напишу пафосный кусок – тьфу, думаю, гадость»

Перед выходом своей новой пьесы «Трибунал» в свет известный российский писатель Владимир Войнович дал интервью главному редактору газеты «Совершенно секретно».

– Что заставило вас вернуться к пьесе, вариант которой был написан в советское время – в другую историческую эпоху? Какое-то конкретное событие или параллели между нынешней политической ситуацией и советским застоём?

– Превью вариант был построен на советских реалиях. Когда советская власть кончилась, я думал, кончилась и тема. А теперь увидел, что реалии изменились, а тема стала еще злободневней. Вот я ее и освежил.

– Считаете ли вы, что современное российское искусство адекватно той общественной ситуации, в которой оказалась страна? Не кажется ли вам, что оно прячется от острых социальных тем?

– По-моему, наступила пора нового декаданса, цинизма, пессимизма и «пофигизма». Люди искусства не верят больше в «души прекрасные порывы», в общество, в народ и в способность искусства «сеять разумное, доброе, вечное». Прошло время романтических, а потом катастрофических предсказаний. Теперь люди искусства ничего ужасного не ожидают, но и в хорошее не верят, предвидя бесконечный экономический, политический, духовный и душевный застой.

– Верите ли вы в то, что сегодня в России найдется профессиональный театр, который рискнет поставить вашу пьесу?

– Если я рискнул написать, а вы напечатать, почему бы не найтись и театру, который рискнет поставить?

– Какого зрителя вы хотели бы увидеть в зале?

– Способного понять то, что ему показано, и настроенного на то, чтобы сюжет жизни нашей реальной сложился более оптимистично, чем в пьесе.

– Вы надеетесь на то, что ваша пьеса что-то изменит в мироощущении зрителя или читателя?

– Я не настолько самоуверен, чтобы рассчитывать на это. Сейчас воздействие литературы и искусства на людей вообще невелико. Но это хороший признак. Литература играет огромную роль только в закрытом обществе. Когда-то в Америке мне сказали: вы, русские, напрасно так серьезно относитесь к литературе, это всего лишь один из видов развлечения. Потом я понял, что в этих рассуждениях есть доля правды. В закрытом обществе человек ищет ответы на самые серьезные вопросы прежде всего в литературе – церковь ему не отвечает, государство не отвечает... И только в литературе он может найти что-то похожее на ответ. Поэтому в советское время люди тянулись к литературе, пытались вычитать что-то между строк. Сегодня в России читают мало – зато свободы по сравнению с СССР много. Вот вернемся в советское прошлое, опустим «железный занавес», прихлопнем Интернет – тогда писателям опять будет хорошо. Все вернется к книгам.

– Вам, как сатирику, легче пишется, когда жизнь сама подсказывает сюжеты – как в случае с «Трибуналом»?

– Вообще-то я сам себя всегда считал реалистом, а меня почему-то причисляют к сатирикам. Что касается моих сюжетов и жизни... Как автору романа «Москва 2042» мне должно льстить, что многое из предсказанного оказывается сегодня реальностью. Но как гражданину мне все это очень не нравится. Считайте, что во мне борются два начала.

– Какое из них побеждает?

– Я готов пожертвовать своими писательскими амбициями – лучше бы всего этого в жизни не было.

– В какой степени вы сами получали удовольствие, когда писали «Трибунал»? При всем драматизме сюжета пьеса местами невероятно смешная.

– Я и сам смеялся. Правда, не тогда, когда писал, а когда читал написанное близким. Со мной такое бывает. Просто не могу удержаться, хотя и понимаю, что нехорошо автору смеяться над собственными шутками.

– Как близко вы наблюдали ход реальных политических процессов?

– В советское время, когда судили диссидентов, я толкался в коридоре или перед зданием суда. Тогда на суды особенно никого не пускали. Только на процесс против Синявского и Даниэля писателям раздавали билеты, но я в число приглашенных по понятным причинам не вошел.

– А на сегодняшние суды ходили?

– Нет, но внимательно слежу за ними.

– У ваших героев есть прототипы? Фамилия судьи Мешалкина явно возвращает нас к процессу по второму делу ЮКОСа.

– Дело ЮКОСа, дело Навального, «Болотное дело» навевают какие-то мысли и аналогии. Когда я вижу по телевидению судью, который, уткнувшись в бумагу и не поднимая глаз, бубнит приговор, мне хочется представить, что творится в его душе. И мне иногда кажется, что там что-то творится. Хотя, может быть, я ошибаюсь.

– Самое пессимистическое место в вашей пьесе – это концовка. Герой оказывается таким же, как и его оппоненты.

– Мне очень хотелось закончить пьесу победой добра над злом. Плохой судья становится хорошим, невинно посаженного героя выпускают на свободу, справедливость торжествует. Но сидящий во мне престарелый скептик прорусился и говорит: «Нет, так, увы, не бывает».

А бывает так, что идущие во власть всегда обещают нам что-то хорошее, а придя в нее – забывают. Один обещал отдать землю крестьянам, фабрики рабочим, другой – догнать и перегнать Америку, третий – обменять ваучер на два автомобиля, теперешние претенденты на власть тоже сулят нам разные радости, включая такие, как мужикам по бутылке, а бабам по мужику. Но, как показывает наш печальный опыт, люди власти потом либо забывают о своих обещаниях, либо не могут их выполнить, либо стремились к рулю, имея совершенно другие цели.

– Стало быть, вы не сразу придумали такой – негероический – финал для своего главного персонажа?

– Вот именно. Я хотел сделать романтический конец, но, пока писал, понял, что это будет не только нереалистично, но и просто глупо. Вот у меня как раз получилось в моем микромире, что я сам такой, как наши властители: приступая к работе, сам себе обещал одно, а получилось что-то другое.

– То есть вы вносите изменения в первоначальный замысел, потому что чувствуете фальшь?

– Чувствую. Меня, бывает, тянет на пафос. Но напишу какой-нибудь пафосный кусок – тьфу, думаю, гадость. И пишу что-то противоположное. Такие вот особенности в способе отражения действительности.

– Пафос возникает, видимо, оттого, что вам хочется дать читателю какую-то надежду.

– У меня в первом – советском – варианте «Трибунала» был другой финал. Героя увозят в тюрьму, а он произносит гражданственный монолог, обращенный к зрителю. Теперь другой конец.

– Его продиктовал опыт общения с теми людьми, которые называют себя оппозиционерами?

– Просто такова человеческая натура. Я хотел бы, чтобы люди об этом помнили. Никто заранее не говорит: я останусь у власти до смерти и пересажаю полстраны. Каждый, пока он идет к власти, искренний демократ, потому что только демократические процедуры позволяют ему продвигаться к трону. А достигнув заветной цели, он, как правило, становится естественным противником демократии, потому что, усевшись на трон, слезать с него как-то уж очень не хочется. Поэтому сомнения у людей, выбирающих кого-то во власть, обязательно должны быть. Никому нельзя верить на слово, но если никому никогда не поверить, так ничто никогда не изменится.

– Как соблюсти баланс между верой и сомнениями?

– Не знаю. Я поверил бы, пожалуй, частично тому человеку, который скажет: если я займу высший пост, первым моим указом будет отмена шестилетнего срока и возможности избираться более двух раз. Два раза по четыре – и точка. И еще хорошо было бы, если бы этот человек публично заявил: если я в первый же месяц моего правления не выполню своего обещания, считайте меня лгуном. Обычно в течение долгого времени обещания забываются и теми, кто их давал, и теми, кто в них поверил. Человек, избранный во власть, пока он в ней еще укрепляется, обычно дорожит своей репутацией. Поэтому ему будет неприятно, если все сразу увидят, что его слова ничего не стоят.

– В каких отношениях с политической реальностью вы находитесь?

– С политической реальностью я всегда нахожусь в натянутых, а порой и в очень недружественных отношениях.

Мне кажется, что, если писатель пытается отражать реальность более или менее правдиво, он всегда найдет в ней много изъянов, что никогда не нравится тем, кто создает эту реальность не на бумаге, а в жизни.

– Вас приглашали на недавнее литературное собрание, которое якобы было устроено по инициативе потомков великих русских писателей?

– Нет. Но это была смешная затея. Доказывающая, что природа на потомках иногда очень долго отдыхает.

– А если бы пригласили, пошли бы?

– Вряд ли. Может быть, поэтому и не пригласили.

– Но многие участники этого собрания говорили о том, что нельзя отказываться от диалога с властью, он может быть полезен обществу.

– Когда-то, при советской власти, была такая формула – «нельзя уступать им площадку».

– Им – это властям?

– Ну да. Поэтому надо вступать в КПСС, занимать какие-то должности... Вступали, занимали и начинали делать все то же самое, что делали на этих самых «площадках» предшественники. У Даниила Гранина когда-то был очень хороший рассказ «Собственное мнение». О человеке, который, идя на какие-то компромиссы с совестью, надеялся, что, заняв более высокое место, он от этих компромиссов откажется. А оказалось, чем выше поднимаешься, тем больше приходится отступать от своих принципов. В молодости я очень строго судил таких людей, но с возрастом в наших специфических условиях стал для некоторых находить оправдание. Что делать людям, которые управляют большими коллективами, чье благополучие зависит от высокого начальства? Скажешь что-нибудь неуютное – и лишат дотации, или не дадут какого-нибудь помещения, или ущемят в чем-то еще. Писателю в этом смысле легче. Он отвечает только за себя.

– Какой, на ваш взгляд, должна быть дистанция между художником и властью?

– Давайте возьмем более широко. Я сторонник компромисса. Когда я говорил об этом, некоторые из моих друзей-диссидентов очень сильно возмущались; «Компромисс? Как это возможно?» Возможно. Вообще без компромисса жить нельзя. Но я говорю об очень ограниченных компромиссах, а не о принципиальных уступках. Это касается и творчества, и поведения. Чтобы было понятно, о чем речь, я приведу примеры. Когда я вернулся из эмиграции и меня здесь начали печатать, возникла проблема с «Москвой 2042». Мой герой посещал разные заведения, в том числе – публичный дом имени Крупской. Меня попросили имя Крупской из текста убрать. Я колебался – не люблю ситуаций, когда требуют уступить ту или иную строчку. Мне говорят: не выйдет книга. Конечно, я мог не согласиться, но книга в тот горячий момент не вышла бы. Я на эту малую купюру согласился, но во втором издании все вернул на место. Или еще пример. Когда обсуждали гимн России, я написал свой вариант и отдал его для публикации в «Известия». Там у меня были строчки: «Всем выдадим все, офицерам – квартиры, шахтерам – зарплату, почет – старикам. А злых террористов замочим в сортире...» Из редакции мне позвонили и говорят: «Про террористов нехорошо, Он обидится». Именно так – «Он» с большой буквы. И предложили заменить: «...а злых террористов пристрелим, как в тире». Я понял, что надо соглашаться – иначе не напечатают, а я хотел, чтобы текст был напечатан большим тиражом. Правда, мне потом читатели писали: мы же понимаем, что на самом деле вы написали «замочим в сортире».

– Вы можете сформулировать, где для вас граница допустимого компромисса?

– Я не должен идти против своей совести. Есть разница между компромиссом и конформизмом. На мелкие, допустимые, по моему разумению, уступки я готов, на принципиальные – никогда. Вот другой пример из моей жизни. В конце шестидесятых годов, когда начались репрессии против инакомыслящих, я подписал несколько писем в защиту осужденных литераторов. В 1968 году власти меня решили за все это наказать и внесли в «черный список». Меня перестали печатать где бы то ни было. Было запрещено все, что я писал: книги, песни, киносценарии, любые мелкие тексты. Но самый большой урон я понес, когда были запрещены шедшие по всей стране 50 спектаклей по двум моим пьесам. Они приносили мне довольно приличный доход. При этом мне тоже был предложен компромисс: я отказываюсь от своей подписи – и запрет с меня будет снят. Книги напечатают, фильм поставят, спектакли восстаноят. Последний спектакль по моей пьесе «Два товарища» ставил в театре Маяковского Андрей Гончаров. На прогон пришел тогдашний начальник отдела культуры Москвы Борис Родионов. Артисты проиграли всю пьесу для нас двоих. «Замечательный спектакль, – сказал Родионов. – Но он не выйдет, если вы не снимите свою подпись». Я подпись не снял, и этот спектакль, как и остальные 49, был запрещен, а я из преуспевающего литератора превратился в человека, еле-еле сводящего концы с концами и лишеного каких бы то ни было заработков. Таких поступков я совершил немало и никогда о них не жалел.

– А теперь вы какие-нибудь коллективные письма подписываете?

– Бывает. Но я не очень это люблю. Никогда не подписываю, если это челобитная, только если требование. В защиту Ходорковского подписывал. В защиту Pussy Riot подписывал.

– А могли бы стать доверенным лицом политика, который вам симпатичен?

– В наших условиях – нет. Кто идет в доверенные лица? Как правило, те, кто намерен извлечь из этого пользу.

– Вы могли бы порвать отношения с человеком из-за его политической позиции? Или проявляете снисходительность.

– Смотря какие позиции. Одно дело, если мы в чем-то не совпадаем во взглядах, а другое – если человек одобряет сталинские или гитлеровские злодеяния, призывает к чему-то подобному и сейчас, проповедует враждебность к людям другой национальности, сексуальной ориентации, просто к инакомыслящим и одобряет расправы над ними, таких людей я просто терпеть не могу. Не желаю никак ни знать с ними, ни общаться, ни вступать в какие бы то ни было споры.

– Как вы оцениваете сегодняшнюю российскую интеллигенцию?

– Это исчезающая категория людей, которых отличают две главные черты – образованность и совесть. Они бескорыстно служат своему делу, деньги для них значат мало. Я бы даже сказал, что богатый человек не может быть интеллигентом. Интеллектуалом может, интеллигентом – нет.

– Что за поражение в правах?

– Просто интеллигент – это всегда подвижник. Во всяком случае, в моем представлении.

– Вас удивил всплеск гражданской активности, который начался в декабре 2011 года?

– Да, я не ожидал.

– А ее спад?

– Не удивил. Это закономерно. Такие процессы идут волнами. Протест накапливается постепенно, а потом в какой-то точке неожиданно прорывается. При этом никто заранее не скажет, в какой именно точке. Повод может быть самый пустячный. Какой-нибудь большой начальник какую-нибудь маленькую старушку случайно задавит, и это может стать поводом для революции. Хотя до этого он мог передавать сотню старушек и молодух без всяких для себя последствий.

– Почему, на ваш взгляд, через 25 лет после начала демократических реформ страна оказалась в таком непрестом политическом положении?

– Я всегда считал, что нужна люстрация. Если продавец проворовался, ему дают срок, а потом лишают права работать в торговле. А у нас бывшие секретари обкомов и бывшие кагэбешники стали губернаторами, депутатами и министрами, хотя режим вроде бы и сменился. Но ведь эти люди совершали настоящие преступления против человечности. Как получилось, что они или их духовные потомки не утратили влияния и занимают высокие должности, чтобы тянуть нашу страну в прекрасное прошлое?

– Вы полагаете, что к вопросу о люстрации еще придется вернуться?

– Конечно, придется, когда этот политический режим сменится. Я, например, считаю, что пребывание человека в сегодняшней Госдуме есть основание не допускать его в будущем ни к какой государственной деятельности. За редким исключением. Но я пока не очень понимаю, где та сила, которая сможет обеспечить переход к другому политическому строю. У этой силы должна быть какая-то целостная концепция, она должна организоваться в достаточно мощную партию... Ничего этого пока нет.

– Но как может вырасти такая партия в стране, где отсутствует серьезная политическая конкуренция?

– Когда-то она выросла внутри КПСС.

– Значит, правы были те ваши оппоненты, которые говорили – «не надо уступать им площадку»? Будем выращивать политическую альтернативу внутри «Единой России»...

– А что, это мысль – всем вступить в «Единую Россию». КПСС совершала много шагов к самоубийству, и едва ли не главный среди них – она все время расширяла свои ряды. И когда членов КПСС стало 18 миллионов, то она оказалась сильно разбавлена людьми, ни на грош не верившими в коммунистическую доктрину. В том числе и их усилиями советскую власть похоронили.

– Политические процессы, которым посвящен «Трибунал», заставляют вспомнить сталинское время. Или пока не все так страшно?

– Сходство со сталинским временем есть, но тождества нет и не будет. Во-первых, Сталин был такой злодей, каких природа создает, к счастью, не слишком часто. Во-вторых, сама обстановка тогда была более пригодной для злодейства. Инерция революции и гражданской войны, изгнанная из страны элита и массово вовлеченные во власть люди без роду без племени, злобная и жестокая, ведомые злобными, лживыми и беспринципными вождями в обстановке тотального страха и полного отсутствия какой-либо гласности. Тогда любого невинного человека можно было оклеветать и обвинить в чем угодно, и у того не было ни малейшей возможности как-нибудь себя защитить.

Путин, как мне кажется, человек неглупый, циничный, понимающий человеческие слабости и не верящий в человеческие достоинства. Он ведет политику, надеясь на большинство – невежественную и пассивную часть населения, думая, очевидно, что одних нужно купить, других поугаать, третьих обмануть. Эти люди составляют резерв нынешней власти, включая все четыре парламентские партии, сам парламент, «Народный фронт» и идущие с ними вместе молодежные движения. Наверное, они кажутся Путину надежной опорой, и он верит, что в случае чего какой-нибудь Холмских приведет в Москву рабочее ополчение и оно разгромит всех врагов. Но опыт недалекого прошлого показывает, что если наступит «час X», то вся эта масса пальцем не пошевелит, чтобы спасти взрастивший ее режим. Когда рушилась советская власть, куда делось нерушимое единство народа, 99 процентов которого еще недавно голосовало за власть, на какие баррикады вышли 18 миллионов присягавших на верность своей партии коммунистов, где прятались тысячи сотрудников госбезопасности? Только два человека из трехсот миллионов доказали свою верность рухнувшему строю тем, что один (министр Пуго) застрелился, а другой (маршал Ахромеев) повесился. Мудрый правитель, если он заботится о благополучии своей страны и надеется на добрую память о себе в истории, должен не пользоваться необразованностью и пассивностью большей части народа, а стараться поднять ее общую и политическую культуру.

– Насколько Владимир Путин способен проявить милосердие?

– Таких способностей в нем я не вижу.

– Когда вы решили вернуться в страну из эмиграции? Был какой-то конкретный повод?

– Я с самого начала хотел вернуться. Даже когда уезжал, не думал, что навсегда. Несмотря на то что очень устал – от слезки, от давления. У меня 4 года даже телефон не работал. Меня мучили бесконечными угрозами, отравлением и разными провокациями. Однажды, например, к моим родителям пришел милиционер, пригласил отца в отделение, а там ему заявили, что его сын пропал и его, скорее всего, нет в живых. А я сидел в своей квартире, за которой усердно следили кагэбешники. Словом, семь лет жизни прошли в крайнем нервном напряжении. Я уезжал формально на время – читать лекции. Гражданства меня лишили позже. А тогда мне дали визу на два года. Конечно, я предполагал, что вернуться в СССР мне не дадут, но сам себя убеждал, что найду способ. Например – фантазировал – прилечу в Ленинград, где меня не ждут, и останусь в стране. Но когда я пожил в Германии, понял – возвращаться не хочу. И только когда началась перестройка, мое отношение к стране изменилось. Конечно, я рассчитывал, что движение вперед будет более быстрым и необратимым. Я вообще не люблю заниматься общественной деятельностью, а тогда мне захотелось ей заняться. Со временем оказалось, что не все так радужно, наступили разочарования, сначала мелкие, потом крупные. Выяснилось, что меня особенно в стране никто и не ждал. Отправил новый рассказ в «Новый мир», где раньше был желанным автором, главный редактор Сергей Залыгин ответил грубо. Ко мне стали подкатываться какие-то люди, намекали, что, если я попрошу, гражданство мне может быть возвращено. Все это было крайне неприятно. Но как только возникла реальная возможность, я вернулся. Первый раз приехал в 1989 году – еще с немецким паспортом и с визой на короткое время. Журналисты программы «Время» встретили меня в аэропорту, чтобы записать интервью. Но пока они ехали до Останкина, телевизионное начальство решило: интервью со мной в эфир выпускать нельзя. Скоро на меня опять завели дело в КГБ. Я все еще стремился вернуться окончательно, но желание включиться в какую-то общественную деятельность постепенно гасло. И все же я попробовал. Меня определили в комиссию по вопросам гражданства при президенте – это было при Ельцине. Я там немного поработал, потом надоело. Было очень смешно. Там вместе со мной заседали какие-то заместители министров, генералы КГБ, которые передо мной почему-то робели. Помню, как обсуждали проблему двойного гражданства и все они хором говорили, что у нашего человека не должно быть паспорта другой страны. Я тогда вынул из кармана два своих паспорта – российский и немецкий – и говорю: попробуйте отнimitе. И тут же все замолчали. Или другой эпизод. Обсуждали возвращение гражданства Владимиру Буковскому. (Он, как ни странно, гражданства не был лишен, но чиновники об этом забыли.) При этом разговор зашел о том, надо ли перед ним извиняться. Ни в коем случае, заявили чиновники. Я говорю: обязательно извиняться. И добавил: Буковского должен пригласить посол России в Великобритании, извиниться и вручить новый паспорт в торжественной обстановке. Так и сделали.

– Желание уехать из страны навсегда не появляется?

– Иногда. А потом думаю: ладно, чего там. Надо, наверное, досмотреть это кино до конца. Моего, разумеется.

P.S. На сайте опубликована полная версия интервью

Людмила Телень, «Совершенно секретно», No.12/39

http://sovsekretno.ru/articles/id/3956/?fb_action_ids=589547717780642&fb_action_types=og.recommends&fb_ref=.Uqc35MZMCwg.like&fb_source=other_multiline&action_object_map=%5B1404523769786531%5D&action_type_map=%5B%22og.recommends%22%5D&action_ref_map=%5B%22.Uqc35MZMCwg.like%22%5D

Мнения, выражаемые авторами статей, могут не совпадать с позицией редакции.

Адрес редакции: 123056, Москва, переулок Красина, дом 15, стр. 1 (для Е. Гришиной)

E-mail: elgripci@mtu-net.ru

Сайт www.newcpi.org

Редактор Елена Гришина